

З Н А К И С У Д Ь Б Ы

Татьяна Корсакова

ММЗЫ

Татьяна Корсакова
Музы дождливого парка
Серия «Знаки судьбы»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6991601
Музы дождливого парка : роман / Татьяна Корсакова. : Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-57139-0

Аннотация

Когда над старым парком восходит луна и ее обманчивый свет скользит по статуям, стоящим в павильоне, кажется, что они оживают. Так и чувствуешь на себе взгляды давно уже умерших женщин – тех, которых скульптор называл своими музами и изваял с таким искусством, что кажется, вот-вот и уловишь биение сердца в мраморной груди. Некоторые обитатели поместья уверены, что музы живут своей странной и страшной жизнью и, подчиняясь гению и злобе своего хозяина, мстят живым, насылая бесчисленные несчастья. Марте предстоит узнать их тайну... или умереть.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	43
-----------------------------------	----

Татьяна Корсакова

Музы дождливого парка

*О муза бедная! В рассветной, тусклой мгле
В твоих зрачках кишат полночные виденья;
Безгласность ужаса, безумий дуновенья
Свой след означили на мертвенном челе.*

Шарль Бодлер

В темноте августовской ночи клуб сиял разноцветными огнями, словно новогодняя елка. Даже как-то дико: кругом на десятки километров ни единой живой души, едешь себе по пустынной автострате, привыкаешь к ее сонному безмолвию, изредка обгоняешь неспешные караваны дальнобойщиков, и тут бац – будто из-под земли вырастает двухэтажный домина, нагло подмигивающий неоновой вывеской с по-провинциальному незатейливым названием «Тихая гавань». Впрочем, размах у этой придорожной забегаловки совершенно не провинциальный, да и статус такой, что Марте, чтобы добыть приглашение, пришлось изрядно покрутиться. И это ей, девице, перед которой с готовностью распахивались двери всех самых модных клубов Москвы! Двери-то распахивались, да только она, наивная, даже и не догадывалась, что в нынешнем сезоне самый писк не навороченный клуб в центре, а вот эта избушка у черта на куличках. Собственно, про избушку – это она сторяча. Уже сейчас видно, что избушка непростая, обнесена двухметровым забором, хоть и кованым, с виду ажурным, но увенчанным остроконечными пиками и зыркающими по сторонам камерами наблюдения, а въезд на территорию охраняют ворота. Форт Нокс какой-то!

Марта ударила по тормозам, и верный «Ниссан», возмущенно рыкнув, едва не уткнулся мордой в запертые ворота. Интересно, кто тут у них на фейсконтроле?..

На фейсконтроле стояли сразу двое. Рослые детинушки в камуфляже синхронно кивнули Марте. Двое из ларца, одинаковы с лица. Кивнуть-то кивнули, но вот ворота распахивать перед дорогой гостьей не спешили. Девушка высунулась из машины, помахала зажатой в руке пластиковой картой. Вот такие у них тут пригласительные билеты – именные, с магнитной полосой. Словно это не загородный клуб, а самый настоящий режимный объект.

– Эй, добры молодцы! – позвала она и еще раз взмахнула карточкой. – Отворяйте ворота!

«Двое из ларца» переглянулись, но с места не сдвинулись, так и остались стоять бездушными истуканами.

– Что?! – Марта из последних сил старалась быть вежливой и обходительной. Получалось у нее не очень хорошо, потому что загородный клуб с незатейливым названием «Тихая гавань» она возненавидела лютой ненавистью задолго до того, как раздобыла пригласительный билет. Да не лишь бы какой, а для VIP-персон. – Глухонемые, что ли?! – Она мысленно досчитала до десяти, выбралась из машины, подошла к воротам.

– Почему же глухонемые? – синхронно спросили «двое из ларца» и так же синхронно шагнули навстречу Марте.

– Так чего гостей на дороге мурыжите? Открывайте! – Она снова махнула пластиковой картой. – Видите пригласительный?

– Видим, – кивнул теперь уже только один из охранников. Оказывается, в синхронности бывают сбои. – А вы, наверное, у нас в первый раз? – любезно поинтересовался он, но ворота так и не открыл.

– С чего взял? – Марта пошарила в сумочке, достала сигареты и, не особо рассчитывая на галантность этих двоих, прикурила сама.

Она нервничала. Нервничала с того самого дня, когда Ната тоном, не терпящим возражений, велела ей найти этого чертова Крысолова. Ната редко просила о чем бы то ни было, но уж если просила, то просьба ее больше походила на приказ, послушаться которого Марта не посмела еще ни разу. И не потому, что боялась гнева бабушки, а потому, что на всю оставшуюся жизнь запомнила ту страшную ночь, когда Ната, глядя прямо ей в глаза по-змеиному немигающим взглядом, сказала: «Ты дрянь, но в тебе течет моя кровь. Я все улажу». И уладила... Ната уладила, а Марта теперь будет платить по счетам до самой смерти. Своей или бабушкиной – это уж как получится...

Сигаретный дым царапнул горло, девушка закашлялась и почти с ненавистью посмотрела на охранников.

– Вон ту штуку видите? – Один из охранников кивнул на стоящий в полуметре от нее металлический ящик, сильно смахивающий на банкомат. – Вставьте, пожалуйста, карту в прорезь.

Марта повертела в руках пластиковую хреновину, пытаясь в свете фар рассмотреть, какой стороной ее вставлять, хмыкнула и сунула карту в банкомат наобум. Угадала, потому что через пару секунд на пузе автомата вспыхнул желтым дисплей, а из его железного нутра послышался дребезжащий механический голос: «Добро пожаловать, дорогой путник!» Это было бы очень по-европейски и вполне мило, если бы в следующую секунду автомат не выплюнул карточку прямо Марте под ноги. Девушка чертыхнулась, подобрала карточку и едва удержалась от желания пнуть чудо техники ногой. Может, и пнула бы, но отвлеклась на раскрывающиеся с едва слышным жужжанием ворота.

– Проезжайте! – снова синхронно прогорланили охранники, расступаясь в стороны.

Марта швырнула карточку-приглашение в сумку, плюхнулась за руль и включила передачу, но, поравнявшись с охранниками, притормозила.

– Отпечатки пальцев снимать не будете? – спросила не без ехидства.

– Уже сняли, – ухмыльнулся один из охранников, многозначительно поглядывая на «банкомат».

Марта так и не поняла, сказал он правду или пошутил, раздраженно дернула плечом и втопила в пол педаль газа. «Ниссан», обдав охранников пылью и брызгами щебня, рванул к ярко освещенной стоянке перед клубом.

Стоянка была заполнена чуть больше чем наполовину. Машины на ней имелись разные, начиная навороченным «Майбахом» и заканчивая чудом отечественного автопрома «Ладой Калиной». Станный какой-то клуб, странные клиенты... Марта выбралась из машины, включила сигнализацию и, швырнув в урну наполовину выкуренную сигарету, направилась к крыльцу.

Внутри здания царил обычный для всех ночных клубов хаос: громкая музыка, мельтешение подсветки, искусственный туман, смазывающий лица, скрадывающий очертания фигур. Ничего эксклюзивного, ничего такого, за что стоило бы закладывать душу дьяволу. А ведь она, Марта, разве только душу и не заложила за сомнительное удовольствие оказаться в этом клубе. Пообещать свидание бывшему однокурснику Димке Мироненко, типу скользкому, мерзкому и во всех отношениях противоположному, – это ли не верх самоотверженности?! И ведь придется на свидание идти, а потом наверняка еще полночи отбиваться от Димкиных домогательств, потому что от него просто так не отделаешься, он если уж вцепится, то клещами. А что делать? Димка из тех, кого называют нужными людьми. С такими лучше дружить, любой ценой дружить. В таких вот сложных делах он незаменим. Попасть в клуб – задача, может, и не из простых, но вполне выполнимая, а вот заполучить VIP-статус – это

уже совсем другой уровень. Марте на фиг не нужен был клуб, ей нужен был именно этот кусок черного пластика, открывающий куда более заветные двери.

Стараясь не обращать внимания на льющуюся со всех сторон зубодробительную музыку и не раздражаться по пустякам перед финальным рывком, Марта подошла к барной стойке.

– Что будем пить? – Бармен, высокий, наголо бритый парень, улыбнулся ей, как старой знакомой.

Она бы, пожалуй, и выпила. Иногда, вот в таких дурацких и совершенно непросчитываемых ситуациях, ей хотелось отдаться на волю случая, ослабить удила и послать к черту всесильную Нату вместе с остальными родственниками. Но нельзя. Никак нельзя...

– Минеральную воду без газа, – сказала она с тенью сожаления. – Я за рулем.

– У нас есть гостевые домики. – Бармен продолжал улыбаться, но его глаза, стальные, как ноябрьское небо, ощупывали Мартино лицо с профессиональным вниманием. Надень на такого камуфляж, и он мало чем будет отличаться от тех ребят, что остались сторожить ворота. – И профессиональные водители. Это на тот случай, если вы все-таки не захотите задержаться. Ну, так что желаете?

– Минералку! – Марта сдула прилипшую ко лбу челку, положила на барную стойку пластиковую карту. – Минералку и Крысолова, – добавила многозначительно.

– Крысолова? – Бармен повертел карту в руках, точно видел ее впервые в жизни, задумчиво поскреб бритую макушку. – Я не уверен...

– Он здесь? – Марта в раздражении дернула плечом. – Мне нужно с ним поговорить.

– Ваша минералка без газа! – Вместо ответа бармен поставил перед Мартой высокий стакан.

– Спасибо. – Она сделала большой глоток, отодвинула стакан в сторону. – А как насчет Крысолова?

Ей не нравилась просьба Наты, ей не нравились все эти шпионские игры с VIP-картами, охранниками и косящими под идиотов барменами. Но гораздо больше ей не нравилась предстоящая встреча.

Крысолов... Человек-невидимка, человек-легенда, уникум и гений, требующий за свою помощь иногда непомерную плату, оставляющий за собой право отказать любому без объяснения причин. Марте он тоже может отказать, а ей во что бы то ни стало нужно заручиться его поддержкой, потому что в противном случае Ната не простит.

«Любые деньги, Марта! Обещай этому человеку все, что он попросит». Голос бабушки, сиплый от бесконечного курения, но все еще громкий и требовательный, набатом зазвенел в голове. Любые деньги – это ладно, у Наты денег много, но что будет, если Крысолов попросит что-нибудь другое? Он ведь непредсказуемый. Да что там непредсказуемый! Он сумасшедший!

– Крысолов просил его не тревожить. – Бармен воровато оглянулся по сторонам, как будто в этой игре их мог кто-нибудь подслушать. – Я бы посоветовал...

– Где он? – Она приехала в этот медвежий угол не ради собственного удовольствия и уж тем более не за дурацкими советами.

– Вы уверены? – Бармен посмотрел на нее очень внимательно и вроде бы даже с сочувствием, точно она собиралась не на деловую встречу, а как минимум на свидание с Мино-тавром.

Марта решительно кивнула, до дна осушила свой стакан, смахнула карточку обратно в сумку.

– Ну, хозяин – барин! – Бармен пожал плечами, уперся локтями в стойку, продолжая буравить Марту взглядом. – Он в парке.

– В парке?

– Да, здесь недалеко, прямо за клубом, есть парк, остался еще бог весть с каких времен. Парк, старая церковь, заброшенное деревенское кладбище. – Он зловеще усмехнулся, спросил не без злорадства: – Вы еще не передумали?

Она не передумала бы даже в том случае, если бы Крысолов сам оказался ожившим мертвецом. Подумаешь – кладбище...

– Как он хоть выглядит, этот ваш Крысолов? Есть у него особые приметы?

– Особые приметы? Ну, он такой... неоднозначный. – Бармен выпучил глаза, наверное, демонстрируя неоднозначность Крысолова. – Вы, девушка, главное, когда его увидите, не пугайтесь сильно. Внешность бывает обманчива...

– Что, такой страшный?

– Ну так... это ж Крысолов. – Бармен смахнул со стойки невидимые крошки. – Рука у него черная, в смысле, протез вместо руки. И глаза правого нет...

– Тоже протез? – Марта представила себе этого киборга. Картинка получилась хоть и мрачной, но не пугающей. Инвалид – это еще не монстр.

– Почему протез? Просто повязка.

– Как у пирата?

– Типа того.

– А одет во что?

– Одет? – Он на секунду задумался. – В плащ, кажется. Ага, точно, в плащ! В дождевик такой зеленый, брезентовый. Вы его, если встретите, ни с кем не спутаете, но вот как на духу – лучше бы вам его вообще не встречать. Он не в настроении сегодня.

Марта сделала глубокий вдох, мысленно досчитала до пяти. Понимаешь ли, он не в настроении! Ната тоже уже который день не в настроении. И уж если выбирать из двух зол, то этот чумовой Крысолов при любом раскладе кажется злом более приемлемым.

– Разберемся! – сказала она решительно. – А где мне его там искать?

– Не знаю. – Бармен пожал плечами. – Можно и в парке, но, я думаю, стоит сразу идти на кладбище. Он, понимаете ли, равнодушен...

К чему равнодушен Крысолов, Марта слушать не стала, бросила на стойку деньги, поспешила к выходу.

– Машину не берите, – слышалось ей вслед, – на машине там не проедете.

* * *

Старый парк жил своей особой невидимой жизнью, шуршал листвой, вскрикивал испуганными птичьими голосами, похрустывал опавшими ветками.

Заброшенную щербатую аллею Марта нашла почти сразу, стоило только обойти клуб по периметру. Помогли «двое из ларца», указали направление. Правда, глядели при этом они на Марту как на умалишенную – с жалостью и легким беспокойством. Почти так же, как до этого смотрел бармен.

– На таких-то каблуках там будет сложновато. – Один из охранников поскреб щетину. – Переобуться бы.

Дельный совет! Дельный и весьма своевременный! Где ж найти другую обувь в этой глуши?! Марта не планировала ночную прогулку по кладбищу. А каблуки высокие – что есть, то есть. На таких по пересеченной местности не побегаешь. Но теперь уж что? Нет других вариантов.

Ох, как же они были правы, «двое из ларца»! Парк освещался только щербатой луной, и двенадцатисантиметровые Мартини шпильки то цеплялись за вздыбившиеся над старыми корнями плиты, то попадали в щели между ними. Она уже почти было решила снять туфли, но в самый последний момент передумала. Босиком оно, конечно, сподручнее, но не факт,

что безопаснее. Неизвестно, какая дрянь тут валяется под ногами. Лучше уж так, потихонечку-помаленечку. Тише едешь – дальше будешь... Хотя парк какой-то подозрительно большой. Сколько она уже бредет по этой аллее? Минут пятнадцать, а конца и края не видно.

По-настоящему страшно Марте стало, когда из виду пропали огни клуба. Вот, кажется, только что весело мигали за спиной, а тут исчезли, словно и не было никакого клуба. И темнота сделалась вдруг совсем уж непроглядной, сгустилась, обступила со всех сторон. Вернуться бы. Хоть фонарик какой попросить у охраны или, еще лучше, дожждаться рассвета и уже потом отправляться на поиски этого сумасшедшего Крысолова. Марта бы и вернулась, наплевала бы на все и вернулась, потому что своя шкура дороже и перелом ноги – это самое малое, что может случиться во время такой вот ночной прогулки. Вернулась бы, если бы не одно «но» – она заблудилась...

Понять, как такое случилось, было невозможно, вроде бы шла по прямой, никуда не сворачивала, а когда обернулась, вместо фонарика подсвечивая себе путь дисплеем мобильного, оказалось, что позади не одна аллея, а развилка. Налево пойдешь – коня потеряешь, направо пойдешь... Вот такой нелегкий выбор. В сложившейся ситуации разумнее всего двигаться прямо, найти Крысолова и уже вместе с ним выбираться обратно к клубу.

Впереди, в чаще, что-то громко ухнуло, и Мартино сердце тут же тоже ухнуло в пятки. Опрометчиво, ох, как опрометчиво шататься посреди ночи не пойми где! Дрожащими руками она нашарила на дне сумочки с незапамятных времен валяющийся там газовый баллончик. Защита так себе, но, за неимением лучшего, сгодится. Да и недолго ведь ей осталось блуждать, у любого, даже самого большого, парка есть границы. У этого они тоже должны быть, надо только их найти. Там же, на дне сумочки, отыскалась и пачка сигарет. Вообще-то курила Марта крайне редко, только лишь в стрессовых или экстремальных ситуациях. Сложившаяся ситуация была самой что ни на есть стрессовой и экстремальной. Огонек зажигалки осветил крошечный участок дороги под ногами: покореженные плиты, вывернутые бордюрные камни, опавшие листья, смятая банка из-под кока-колы. Банка Марту воодушевила. Значит, в этом Бермудском треугольнике не все так плохо, значит, люди тут иногда проходят и даже попивают между делом кока-колу.

Сигарета от стресса не спасала, но Марта заставила себя думать, что ей полегчало и уже почти не страшно. Да и чего тут бояться?! Это же парк, а не лес. В парке дикого зверья быть не должно, а кого еще бояться?! Воображение тут же подкинуло длинный список тех, кого следовало бы бояться. Возглавлял список не кто-нибудь, а таинственный Крысолов, тот самый, на встречу с которым она так рвалась.

– Ерунда, – буркнула Марта себе под нос. Хотела сказать громко, но в последний момент голос помимо воли упал до жалкого шепота. – Ерунда! – повторила она уже решительнее и, глубоко затянувшись сигаретой, пошла вперед, навстречу неизвестности.

Парк закончился не внезапно. Просто в какой-то момент Марта заметила, что просветы между старыми липами стали шире, и разлапистые ветки больше не шелестели над самой головой, и даже темнота вокруг, кажется, сделалась уже не такой непроглядной, как раньше, а чуть более прозрачной. Эти факты можно было бы занести в актив, если бы не одно «но» – каблуки больше не цокали по плитам, а увязали в рыхлой земле. Парк закончился, а что начинается?..

То, что начинается погост, Марта поняла по смутно белеющей впереди не то церквушке, не то часовне, а еще по тому, как вдруг струной натянулся позвоночник, как зашевелились на загривке волосы. Значит, не шутил бармен про кладбище...

В подтверждение страхам и догадкам темнота вокруг ощерилась покосившимися крестами, завибрировала странным, выстукивающим кровь звуком. Музыка... Что-то тоскливое и пронзительное, берущее за душу. Флейта. Флейта на заброшенном кладбище...

Марта замерла, не решаясь больше сделать ни шагу. Куда идти? Навстречу этой странной музыке? Прямо по заброшенным могилам? А что там, в глубине кладбища? Кто там?..

Она ненормальная. Нет, она самая настоящая идиотка, потому что только идиотка могла быть настолько самоуверенной, чтобы ломануться посреди ночи в это дикое место. Она ломанулась, и она идиотка. Ничего-ничего, осознание проблемы – уже шаг навстречу исцелению. Осталось найти укромное место, желательно без крестов и могил, чтобы отсидеться и дожидаться утра. Потому что метаться по кладбищу и парку в кромешной тьме – это все та же глупость...

...Шорох за спиной послышался в тот самый момент, когда Марта уже приняла решение. Особенный шорох, отличающийся от всего того, что она слышала до этого, громкий и угрожающий.

Как же это было сложно – обернуться! На простой поворот головы ушли целая вечность и остатки сил, а почти невесомый газовый баллончик в руке вдруг налился чугунной тяжестью.

Там, за спиной, не было ничего подозрительного, только чернота, кое-где прошитая лунным светом. От сердца отлегло – померещилось!

Это случилось в тот самый момент, когда к Марте вернулась способность дышать. Плач флейты оборвался на самой высокой ноте. Звук еще долго вибрировал в ночном воздухе, затухая с завораживающей неспешностью, гипнотизируя и уводя все дальше и дальше от реального мира, заманивая в неведомые сети... Марта уже сделала шаг навстречу звуку, больше не переживая ни за каблук, ни за то, что под ногами может оказаться не парковая дорожка, а чья-нибудь могила, когда за спиной снова зашелестело...

...Два отсвечивающих красным глаза смотрели на нее из темноты. Тварь, черная, как сама ночь, припала к земле, издала утробный рык. Марта попятилась, зацепилась за что-то каблуком и, нелепо взмахнув руками, рухнула навзничь.

...Наверное, она кричала. Даже наверняка кричала, но собственного голоса не слышала. Из всех дарованных ей чувств в полную силу не работало ни одно. Тварь, тихо рыкнув, взмыла в воздух, огненные глаза сверкнули расплавленным золотом близко-близко. Марта зажмурилась, самым краешком ускользящего сознания успев почувствовать навалившуюся на грудь тяжесть...

* * *

– ...Грим, сидеть! Грим, я сказал – к ноге! – Незнакомый голос прорывался сквозь беспомыслие, вытаскивал из безопасного небытия. – Ну, зачем ты на нее прыгнул?! Я тебе что велел?.. – Голос приятный, совсем не страшный, только, похоже, злой. Та тварь с огненными глазами тоже была злой... О господи!

Марта, еще не до конца придя в себя, заорала, забилась, отталкивая чьи-то назойливые руки, но не решаясь сделать самого главного – открыть глаза. В чувство ее привела оплеуха, не так чтобы очень сильная, но довольно ощутимая.

– Да успокойся ты, ненормальная! – В знакомом голосе прибавилось раздражения, а к Марте вдруг враз вернулось здравомыслие. Она перестала орать и вырываться и открыла наконец глаза.

Темнота больше не была кромешной, она наполнилась еще скудными, но все же красками, приобрела объем, вкус и запах. Темнота пахла пылью и горчила на губах.

– Все? Очухалась? – Голос доносился откуда-то сверху. Чтобы разглядеть говорившего, Марте пришлось запрокинуть голову.

Незнакомец стоял в метре от нее, широко расставив обутые в армейские ботинки ноги, чуть склонив набок голову. Драные джинсы, короткая кожаная куртка, черная бейсболка,

козырек которой закрывает пол-лица, и что-то длинное в правой руке: не то зонтик, не то трость, не то... оружие.

– Очухалась. – Осторожно, стараясь не делать лишних движений, Марта пошарила ладонью по земле. Газовый баллончик должен быть где-то рядом. Тогда она не успела им воспользоваться, но сейчас ее не проведешь.

– Не это ищешь? – Свободной рукой незнакомец подбросил в воздух что-то небольшое, очень похожее на Мартин баллончик. – Я его заберу, если не возражаешь. Гриму такие штуки не по душе.

Марта хотела сказать, что возражает, что нечего хватать чужие вещи, уже даже рот открыла, но не произнесла ни слова. И газовый баллончик, и даже парень в армейских ботинках перестали волновать ее в ту самую секунду, когда за спиной своего собеседника она увидела два отсвечивающих красным глаза... Не примерещился ей кладбищенский монстр...

– Тише, – зашипела Марта, – не шевелись.

Рука нашарила на земле не то палку, не то ветку. Хоть какое-то оружие.

– Ты чего? – Незнакомец сделал шаг вперед, а красноглазый монстр за его спиной припал к земле, готовясь к прыжку.

Марта замахнулась в тот самый момент, когда парень протянул ей руку. Она целилась прямо в полыхающие огнем глаза твари, но не попала. Темнота взорвалась яростным рыком, а на палке, всего в нескольких миллиметрах от ее руки, защелкнулись мощные челюсти. Рывок, толчок в грудь – и вот она снова лежит на спине, без палки, без газового баллончика, придавленная к земле черной рычащей тварью.

– Грим, назад! – Требовательный окрик слился с ее испуганным воплем. – Назад! Я кому сказал?!

Тварь раздраженно клецнула зубами прямо перед Мартиным лицом и отскочила к ногам незнакомца. Собака! Огромная черная псина! Высоченная, тяжеленная, ростом, наверное, с годовалого теленка. Короткошерстная, чем-то отдаленно похожая на дога, но массивнее и страшнее. Хотя куда уж страшнее?! Собака Баскервилей...

Марта села, замотала головой, пытаясь восстановить связный ход мыслей. Значит, на нее напал не кладбищенский монстр, а обыкновенная собака. Собака вот этого идиота, позволяющего своей клыкастой твари гулять без поводка и без намордника, еще и бросаться на людей.

– Ты как? Цела? – послышался над ухом встревоженный голос. – Грим вообще-то никогда... Он думал, что ты хочешь на меня напасть.

– Пошел к черту! – Марта, не обращая внимания на предупреждающий рык пса, стряхнула с плеч чужую ладонь, встала на ноги, уперлась указательным пальцем в грудь незнакомцу: – Ты за это ответишь! Я на тебя в суд подам! Я на живодерню позвоню, чтобы они твою псину...

– Полегче. – Он отступил на шаг, и палец Марты беспомощно повис в воздухе. – Про живодерню ты полегче. Места тут глухие...

– Глухие? – Задумчивая многозначительность в его голосе Марте очень не понравилась, гораздо больше, чем грозный рык его пса.

– Глухие. – Незнакомец кивнул, из-под козырька кепки хищно блеснули стекла очков. – Знаешь, сколько народа тут каждый год пропадает?

– Сколько? – спросила Марта, хотя по-хорошему ей бы не вопросы задавать, а уносить ноги от этого сумасшедшего.

– Человека по три как минимум. И большей частью дамочки из приезжих.

– Ты шутишь, да? – Ей очень хотелось, чтобы шутил, потому что в сложившейся ситуации идиотская шутка куда предпочтительнее, чем неприглядная правда. От этого ненор-

мального она бы, пожалуй, смогла отбиться, он хоть и высокий, но с виду хлипкий, не поражающий воображение горой мышц, но вот что делать с псом?..

– Шучу, – незнакомец широко улыбнулся. – А что мне еще остается делать в сложившейся ситуации? Знаешь ли, довольно странно встретить ночью посреди кладбища одинокую девуцу. – Он взмахнул рукой с зажатой в ней длинной штуковиной. При ближайшем рассмотрении штукавина оказалась флейтой. Вот, значит, кто играл на флейте. Какая дикость!

– А устраивать на кладбище концерты – это, по-твоему, нормально? – Марта кивнула на флейту.

– Почему же на кладбище? – удивился незнакомец. – В парке, на летней сцене. Мы любим с Гримом иногда прогуляться по ночному парку.

– С флейтой?

– А почему бы и нет? Здесь, по крайней мере, мы никого не потревожим.

– Никого, кроме покойников. – Марта поежилась. Вслед за рассветом на кладбище прокрался туман, и старые кресты теперь наполовину тонули в его мутном мареве.

– Странные какие у тебя фантазии, – усмехнулся парень и, не спрашивая разрешения, набросил на Мартину плечи свою куртку.

Наверное, стоило бы показать характер, отказаться от таких сомнительных знаков внимания, но, во-первых, ей было и в самом деле холодно, во-вторых, настраивать против себя единственного человека, способного вывести ее обратно к клубу, было глупо, а в-третьих, уж очень хорошо пахло от его куртки – туманом, полынью, дымом осенних костров и, кажется, можжевельником.

– Я не представился. – Парень протянул Марте ладонь. – Арсений, местный житель.

– Марта. – Его рукопожатие было сильным, точно здоровался он не с девушкой, а с мужиком. – Не местная жительница.

– Это я уже понял, что не местная. – Арсений хмыкнул, вытащил из кармана джинсов какой-то пузырек, ссыпал на ладонь горсть таблеток, не считая, забросил в рот. – Витамины, – сказал в ответ на многозначительное Марино молчание.

Она не стала комментировать эти его «витамины», оглядела тонущее уже не в темноте, а в тумане кладбище, сказала:

– Я заблудилась тут.

Он ничего не ответил, лишь молча смотрел на нее сквозь желтые стекла очков. Желтые! Значит, очки не корректирующие зрение, а так... ради понтов. Глупых понтов, надо сказать, потому что в темноте и без очков-то не особо хорошо видно. И вообще, он какой-то странный, неправильный. Гуляет ночью в парке, играет на флейте для своей монструозной собаки, носит нелепые очки, глотает какие-то сомнительные витамины.

– Заблудилась, понимаешь? – повторила Марта, рассматривая тонкий шрам в виде буквы U на его левой скуле.

Ответить Арсений так и не успел, потому что лежавший у его ног пес вдруг вскочил на ноги, ощерился и тихо зарычал. Он рычал не на Марту, он смотрел на что-то позади нее, и глаза его снова отливали красным.

– Почему?.. – Она хотела спросить, почему у пса такие странные глаза, но Арсений не дал ей такой возможности.

– Давай-ка продолжим нашу беседу в более подходящем месте. – Он улыбался вполне дружелюбно, но ладонь его сжимала Марино запястье мертвой хваткой. – Тебе ж, наверное, хочется в клуб вернуться побыстрее. Я правильно понимаю?

– Хочется, а откуда ты...

– Откуда я знаю про клуб? – Он говорил и, не выпуская ладонь Марты из своей руки, уверенным шагом шел между уже накрытых туманом могил. – А что еще в нашей глуши может заинтересовать такую шикарную девушку? Уж точно не дачная жизнь.

– А ты, значит, дачник?

– Вроде того. Летом дачник, зимой горожанин. Но в клуб временами захоживаю. Иногда хочется общества, понимаешь ли.

– Подожди! – Марта дернулась, уперлась каблуками в рыхлую землю. – Мы не в ту сторону идем! Там кладбище, а нам нужно обратно в парк.

– Все нормально, – Арсений пожал плечами, позади, словно в подтверждение его слов, тихо рыкнул пес. – Так короче. Я здесь каждую тропинку изучил.

Она бы предпочла длинную дорогу. Любую другую дорогу, которая не пролегает через кладбище, но выбора ей не оставили. Сейчас эти двое, мужчина и собака, были больше похожи на конвоиров, чем на сопровождающих. Если бы не туман, если бы не иррациональное чувство, что из тумана за ней кто-то наблюдает, Марта, пожалуй, отказалась бы вовсе от такой помощи, но позвоночник по-прежнему звенел натянутой струной, а волосы на загривке вставали дыбом от жутких, лишенных смысла и логики мыслей. Из двух зол нужно выбирать меньшее, и она выбрала.

Арсений не обманул, уже через несколько минут, пройдя кладбище насквозь, они снова оказались в парке, у той самой открытой сцены, о которой он рассказывал. Перед сценой даже сохранилось несколько деревянных скамеек, покосившихся, с облезлой краской, но еще вполне надежных на вид.

– Вот, – Арсений кивнул на сцену. – Видишь?

– Вижу. Дикое какое-то соседство. – Марта поехала. – Тут музыка-танцульки, а там, – она обернулась, всматриваясь в туман, – погост.

– Местные уже привыкли. – Арсений пожал плечами. Сейчас, когда он остался без куртки, в одной только футболке, Марта лишний раз убедилась в своих предположениях касательно его конституции: поджарый, чем-то неуловимо похожий на своего пса. Не Аполлон, конечно, но для этого захолустья сойдет за первый сорт. Вот только лица из-за кепки и очков не рассмотреть.

– Тут вообще все компактно. – Арсений уселся на одну из скамеек, пес пристроился у его ног. – На первый взгляд парк кажется огромным, но, если осмотреться, становится ясно, что это иллюзия. И тайных тропок тут полно. Ты небось по главной аллее шла?

– Угу, – Марта кивнула. – Надо думать, что по главной. Кто ж в этой темноте разберет?

– А зачем же шла в темноте?

Резонный вопрос. Он-то свою ночную прогулку объяснил вполне логично. Побег от бессонницы, ночной моцион, музицирование под луной. Опять же, чего ему бояться, когда у него в охранниках собака Баскервильей! А она что? Поперлась в ночь неведомо куда неведомо за кем... К слову, Крысолова, великого и ужасного, она так и не нашла. Может, спросить у этого... у Арсения? Вдруг знает? Они ж тут в деревне все друг друга знают. Или Крысолов не деревенский? С чего она взяла, что такой серьезный человек станет прозябать в этой глуши? Что там говорил всезнающий Димка? Только то, что Крысолов любит бывать в этом загородном клубе, что мужик он странный и нелюдимый, что даже VIP-карта не страхует заказчика от отказа.

– Послушай, – Марта опасно покосилась на псину, присела рядом с Арсением, – ты ж, наверное, тут всех знаешь?

– Всех – это вряд ли. – Он потрепал пса по загривку. – Дачный поселок большой. Дай бог, соседей в лицо запомнить. А зачем спрашиваешь? Ищешь кого? – Из-за желтых стекол рассмотреть цвет его глаз никак не получалось. Кожа смуглая, на щеках пробивается сизая щетина, подбородок с ямочкой. Возможно, без очков этих идиотских и был бы парень ничего, а так не пойми что.

– Ищу.

– На кладбище? – Может, он и шутил, но вот голос его звучал совершенно серьезно.

Прежде чем ответить, Марта порылась в сумке, достала сигареты и, уже прикурив, запоздало вспомнила о вежливости.

– Будешь? – Она протянула пачку Арсению.

– Спасибо, бросил, – он отрицательно мотнул головой. – Берегу здоровье.

Ага, «витамины» ж для здоровья полезнее, чем никотин...

– Дело твое. – Марта сунула сигареты обратно в сумку. – Я вообще-то тоже почти не курю. Только когда нервничаю.

– Сейчас нервничаешь? – спросил он, глядя куда-то поверх ее плеча.

– Скажем так, я озадачена. Мне нужно найти одного человека.

– Здесь?

– Мне сказали, что он любит гулять в парке.

– Многие из местных любят гулять в парке, правда, предпочитают для прогулок более светлое время суток, – усмехнулся Арсений. – Он из местных, тот, кого ты ищешь?

– Не знаю... – Носком туфли Марта поддела опавший лист. – Не уверена.

– Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. – Арсений с задумчивой рассеянностью посмотрел на ее туфли, заляпанные грязью, окончательно потерявшие вид.

– Вроде того. – Марте вдруг стало неловко. Он, конечно, одет по-простецки, незатейливо так одет, но его одежды хотя бы чистые. А ей еще в клуб возвращаться, а потом домой с отчетом для Наты. Нате на ее внешний вид плевать, но вот итогами поездки она поинтересуется непременно.

– И как его зовут? – В голосе Арсения не было интереса – одна лишь вежливость.

– Крысолов, – сказала Марта после недолгих колебаний. Сказала и тут же поняла, как дико и нелепо звучит это имя. Да и разве ж это имя?! Кличка, мерзкая кличка... – Человека, которого я ищу, зовут Крысолов, – повторила она и глубоко затянулась сигаретой. – Знаешь такого?

Он ответил не сразу, какое-то время возился с ошейником своего пса, на Марту не смотрел, а когда наконец посмотрел, лицо его не выражало ровным счетом ничего: ни удивления, ни интереса, ни даже задумчивости. Наверное, лучше было бы по-другому, имени он может и не знать...

– Это такой дядька в дождевике, с протезом вместо руки и с повязкой на глазу. – Вот такого типа точно если один раз увидишь, то уже не забудешь.

– С протезом, повязкой и в дождевике? – переспросил Арсений и посмотрел на Марту поверх своих идиотских желтых очков.

– Ага, – Марта кивнула. – Мне бармен из клуба сказал, что он любит прогуливаться ночью по парку.

– И ты, значит, решила поискать его здесь?

Марта пожала плечами. Теперь, в свете зарождающегося дня, идея с поисками Крысолова ей и самой казалась, мягко говоря, глупой, но Димка предупредил, что срок действия VIP-карты заканчивается в шесть утра и потом уже эту карту можно... Что можно сделать с картой, Димка уточнять не стал, Марта и сама поняла. Вот такая сказочка про Крысолова. У Золушки в полночь карета превращается в тыкву, а у него пригласительный – в бесполезный кусок пластика. Так что, по большому счету, особого выбора у нее не было. Не факт, что, нагулявшись по парку, Крысолов непременно пришел бы обратно в клуб, мог и домой уехать. Марта глянула на наручные часы – половина пятого утра. У нее еще есть полтора часа, если, конечно, Арсений сможет ей помочь, если, конечно, Крысолов еще не нагулялся...

– Решила! – Марта сделала последнюю затяжку, носком туфли загасила окурочек. – Так ты видел его сегодня?

– Не видел, – Арсений мотнул головой.

Вот и все, теперь шансы договориться с Крысоловом стремятся к нулю. Остается только одно – сесть у ворот клуба и надеяться, что этот неуловимый гад все-таки решит опрокинуть стаканчик-другой. То-то удивятся «двое из ларца», когда она пристроится к ним третьей.

– А он тебе очень нужен? – сквозь череду невеселых мыслей пробился к ней голос Арсения. – Ну, этот одноглазый дядька с протезом и в дождевике?

– Стала бы я бегать за ним по кладбищу, если бы он был мне не нужен. – Марта покосилась на наползающий со стороны погоста туман. – Вопрос жизни и смерти. Веришь?

Арсений мазнул взглядом по ее лицу, несколько секунд разглядывал что-то за ее спиной, Марта даже хотела было обернуться, но потом передумала, зажала озябшие ладони между коленками.

– Верю, – сказал он вдруг совершенно серьезно, и пес его многозначительно зыркнул на Марту своими красными глазищами. – Пошли! – Очкарик решительно встал, протянул руку.

– Куда? – Его ладонь была горячее, на какое-то мгновение Марте даже захотелось, чтобы он не выпускал ее руку, но желание это быстро прошло, стоило только вспомнить про все его странности. Одни только «витамины» чего стоят...

– Поищем этого твоего Крысолова.

– Ты знаешь, где он может быть? – Надежда, уже почти угасшая, вспыхнула с новой силой.

– Догадываюсь.

– У меня времени в обрез. – Марта еще раз глянула на часы. – Понимаешь, он тот еще придурок, если я не найду его до шести утра, все!

– Что – все? – Арсений рассеянно погладил свою флейту.

– Карета превратится в тыкву, и не видать мне прекрасного принца. У него приемные часы с полуночи до шести утра, а уже почти пять. – Марта притопнула ногой, стряхивая с каблуков комья налипшей грязи. – Идиотизм же! Я за этот долбаный пригласительный душу дьяволу заложила.

– Так уж и дьяволу? – усмехнулся Арсений и свистом подозвал своего пса.

– Ну, дьяволу не дьяволу, а сволочи редкостной. Может, пойдем уже? Время – деньги!

Пробуждающийся парк кутался в обрывки тумана, на цоканье Мартиных каблуков отзывался раздраженным эхом, сыпал за шиворот росу с липовых веток. Наверное, днем он был красив особенной, одичавшей красотой, наверное, если бы его чуть-чуть привести в порядок... но сейчас Марте было не до красот заброшенного парка. Арсений шел неспешной походкой, время от времени подбирал с земли обломанные ветки и швырял их своему псу. Тот мчался за брошенной палкой безмолвной черной тенью, а возвращался с совершенно счастливым, почти человеческим выражением на морде, тыкался носом в колени хозяина, преданно заглядывал в глаза. Один раз Марта попробовала поторопить этих двоих, но ее робкая просьба так и осталась не услышанной. Деревенские такие неспешные. Что им чужие проблемы! Им вот собачку нужно развлечь...

– Что у него с глазами? – спросила Марта, чтобы хоть как-то отвлечься от недобрых мыслей.

– У кого? – рассеянно поинтересовался Арсений, спихивая с плеч лапищи своего не в меру активного пса.

– У твоей собаки. У нее глаза светятся красным.

– У Грима? Да так, особенности сетчатки. У кошек светятся желтым, у Грима – красным.

– Ничего себе особенности! Я сегодня от этих особенностей чуть не померла. Он на всех так бросается?

– Не на всех. Я просто отвлекся. Я, когда играю, немного выпадаю из реальности.

Он выпадает из реальности! Да он, по ходу, выпадает из реальности, не только когда играет. Они тут все странные, в этом медвежьем углу, – выпавшие из реальности. Марта многозначительно посмотрела сначала на часы, потом на Арсения. Если он и заметил эту ее многозначительность, то виду не подал, подобрал с земли ветку, швырнул своему псу. Грим... Кличка какая-то дурацкая, сказочная...

* * *

«Двое из ларца» встретили их появление вежливо-заинтересованными взглядами. Марта уже полезла было за карточкой, чтобы уже во второй раз за ночь скормить ее адской машине, маскирующейся под банкомат, но ворота распахнулись без дополнительных телодвижений с ее стороны.

– Что, он у вас самообучающийся, научился на расстоянии информацию считывать? – Марта неодобрительно покосилась на банкомат.

– Так а зачем? – пожал плечами один из охранников и приветственно кивнул Арсению. – Мы ж вас сегодня уже сканировали, а срок действия карты еще не истек. Проходите, милости просим!

– Ишь, какие вежливые, – буркнула она. – Где раньше были со своей вежливостью?! Хоть бы фонарик предложили девушке.

– Как прогулка? – совершенно светским тоном поинтересовался второй охранник. – Красивые у нас места?

– Красивые – не то слово! И места красивые, и люди приветливые! Переселяюсь к вам жить. – Она зябко поежилась под внимательными взглядами и шагнула в гостеприимно распахнутые ворота.

На стоянке перед клубом машин теперь было значительно меньше, похоже, загородное веселье подошло к концу и большинство гостей разъехались по домам. Мартин «Ниссан» мирно дремал между «Ладой Калиной» и здоровенным черным внедорожником. Захотелось вдруг плюнуть на все эти интриги, послать Крысолова к чертовой бабушке и уехать домой в Парнас, а еще лучше – сразу в Москву, подальше от Наты с ее расспросами и молчаливым неодобрением. Марта опомнилась, лишь когда уже нашарила в сумочке ключи от машины, чертыхнулась, зашвырнула ключи обратно, обернулась, нетерпеливо поглядывая на неторопливо бредущего по подъездной дорожке Арсения. Только сейчас она увидела, что он прихрамывает, не сильно, но все же заметно припадает на левую ногу. И ее собственная переломанная в двух местах нога вдруг заныла, напоминая о той страшной ночи, которую не забыть до конца жизни.

Пес догнал Марту первым, замер на почтительном расстоянии, уставился необычными своими глазами. Впрочем, сейчас, при свете зарождающегося дня, глаза его больше не казались inferнальными, а были самыми обыкновенными, только слишком уж внимательными.

– Ты думаешь, он вернется в клуб? – спросила Марта, глядя на Арсения с верхней ступеньки крыльца.

– Он всегда возвращается. – Арсений похлопал себя по бедру, подзывая пса.

– Хочешь сказать, что я зря скакала за этим ненормальным по всему парку?

– Может, очень даже не зря. Ничего нельзя знать наверняка...

– Ты хотел сказать, ничего нельзя знать наверняка, когда дело касается Крысолова? – уточнила Марта.

Вместо ответа Арсений лишь неопределенно пожал плечами, прицепил поводок к ошейнику своего пса. А Марта запоздало подумала, что можно было бы расспросить его о

Крысолове, узнать хоть что-нибудь, подготовиться к предстоящей беседе. Если, конечно, эта беседа вообще состоится, потому что наручные часы показывали уже начало шестого.

– Слушай, а какой он? – спросила она, входя в дверь вслед за Арсением.

– Кто?

– Крысолов. Какой он?

– Ты же сама его описала: одноглазый дядька с протезом, в плаще.

– В дождевике, – машинально поправила Марта, а потом добавила, понизив голос до шепота: – Я хотела знать, что он за человек.

Арсений притормозил, но оборачиваться не стал, бросил через плечо:

– Насколько мне известно, Крысолов – тот еще придурок.

– Очень информативно и оптимистично, – фыркнула Марта, стаскивая с себя куртку Арсения.

В баре было пусто, из динамиков доносилось что-то негромкое джазовое, за стойкой дремал уже знакомый Марте бармен.

– Доброе утро, страна! – Арсений похлопал по стойке, пес радостно рыкнул.

Бармен моргнул, прогоняя дремоту, посмотрел сначала на Арсения, потом на пса и уже в самую последнюю очередь на Марту.

– Ну как? – поинтересовался не то у нее, не то у Арсения.

– Никак. – Марта пожала плечами, повесила куртку на спинку стула.

– Лысый, а ты Крысолова часом не видел? – спросил Арсений и аккуратно положил на стойку свою флейту.

– Крысолова? – Бармен снова моргнул, поскреб бритую макушку.

– Да, девушка вот его всю ночь ищет.

– Повезло. Чтоб меня искала такая красивая девушка! – Бармен с незатейливой кличкой Лысый расплылся в ухмылке, а потом с преувеличенным вниманием посмотрел на свои наручные часы. – Так это... времени осталось час, я даже не знаю...

– А мы подождем. – Арсений обвел взглядом батарею бутылок за спиной Лысого, попросил доверительным шепотом: – Кофе сварить?

– Кофе сварю. – Лысый кивнул, вопросительно посмотрел на Марту. – Девушка, вы же будете кофе?

– Буду. – Только сейчас она поняла, как сильно устала за эту безумную ночь. Устала и проголодалась. – Кофе и что-нибудь поесть.

– Поесть, в смысле салатиков? – уточнил Лысый.

– Поесть, в смысле мяса и жареной картошки, если, конечно, у вас такое водится.

– У нас тут водится всякое, жареная картошка в том числе. Сейчас распоряжусь. – Бармен окинул ее уважительным взглядом, подмигнул Арсению, сунул в пасть Грима невесть откуда взявшийся кусок ветчины и скрылся за неприметной дверцей.

Они сидели за столиком у догорающего камина. В первый свой визит Марта камина не заметила, впрочем, ей тогда было не до красот интерьера. По большому счету, ей и сейчас не до красот, просто не заметить в пустом помещении камин довольно сложно. Картошка, поданная Лысым на большой глиняной тарелке, была по-домашнему вкусной, а жареное мясо и вовсе таяло во рту. Салатик бармен тоже принес, обычный салатик из помидоров и болгарского перца, огромную порцию, которой запросто хватило бы не только Марте, но и Арсению, если бы, конечно, он захотел разделить с ней завтрак. Арсений не захотел. Он сидел, откинувшись на спинку стула, рассеянно поглядывая на язычки пламени, попивая кофе из огромной, тоже глиняной, чашки. Теперь, когда кепка лежала на соседнем стуле рядом с флейтой, Марта могла рассмотреть собеседника получше.

Собственно говоря, смотреть было не на что, к уже виденному образу чудака в желтых очках новых штрихов почти не добавилось. Разве только волосы. Черные, слишком длин-

ные для делового мужчины, но вполне простительные для творческой натуры. Марта сразу решила, что Арсений – натура непременно творческая, с легкой и неопасной для окружающих придурью. Может, удалившийся от мира писатель или, скорее всего, музыкант. Неудивительно, что он знаком с Крысоловом. Как говорится, рыбак рыбака...

Завтракали в молчании. Марта сосредоточилась на жареной картошке, Грим дремал перед камином, Арсений, кажется, тоже заснул. В царящем в зале полумраке разглядеть выражение его глаз никак не удавалось, Марта даже не была уверена, что они у него открыты. Она бы и сама, будь на то ее воля, прикорнула прямо здесь, за столом. Но воля была не ее, а надежда на благополучный исход мероприятия таяла с каждой секундой. Каминные часы показывали без пяти минут шесть. До превращения кареты в тыкву осталось совсем немного времени. Марта придвинула к себе пепельницу, закурила. Странно, но теперь, когда уже совершенно ясно, что дело провалено, она не нервничала, вслед за усталостью на нее навалилась граничащая с анестезией апатия.

Не вышло... Ничего, не получилось в этот раз, получится в следующий. Если понадобится, она еще разок заложит душу дьяволу за пригласительный на вечеринку к Крысолову. Ей не привыкать закладывать душу...

– Не переживай. – В тишине бара голос Арсения прозвучал неожиданно громко.

– Я не переживаю. – Марта глянула на часы – без одной минуты шесть, загасила в пепельнице сигарету, одним плотком допила остывший кофе. – Спасибо за помощь, но, кажется, мне уже пора.

– А как же Крысолов? – В желтых стеклах очков отражались язычки огня, а Марте вдруг показалось, что красным светятся глаза Арсения, точно так же, как ночью у его собаки... – Он тебе больше не нужен?

– Ты даже представить себе не можешь, как сильно он мне нужен. – Она положила на стол деньги, плату за завтрак, и зачем-то прижала их пепельницей. – Я еще приеду. В другой раз...

– Зачем же в другой раз? – Красные отсветы вместо нормальных человеческих глаз ее нервировали, делали злой и нетерпимой. А может, и не отсветы вовсе, а то, что чертов Крысолов так и не появился. – Я готов тебя выслушать.

Марта так злилась на саму себя, на ситуацию, в которой оказалась, что смысл сказанного дошел до нее далеко не сразу.

– Ты? Ты готов меня выслушать?! – Она посмотрела на Арсения сверху вниз. – Ты в самом деле думаешь, что мне сейчас нужен собеседник?

– Нет. – Он покачал головой, и дремавший у камина пес приоткрыл глаза, а Лысый, все это время с нарочитым старанием протиравший бокалы, вдруг подался вперед и, кажется, даже вытянул шею от любопытства. – Я думаю, тебе в самом деле нужен Крысолов, поэтому я готов тебя выслушать.

Марта смотрела на сидящего перед ней парня, смотрела задумчиво и очень внимательно, а мозг в это время работал со скоростью компьютера. Он странный, он гуляет по ночам в компании огромного пса, пьет «витамины», носит очки с желтыми стеклами, знает всех в клубе, играет на флейте... Крысолов из сказки тоже на чем-то там играл, может, не на флейте, может, на дудочке, но играл ведь...

– Однорукий, одноглазый мужик в дождевике? – Она медленно опустилась обратно на стул, уперлась локтями в столешницу.

– Сам удивляюсь. – Арсений сделал знак Лысому, тот с готовностью выбрался из-за стойки, плюхнулся на свободный стул. – Значит, однорукий, одноглазый? – повторил Арсений, и по его невозмутимому лицу промелькнула тень.

– Сам же просил, чтобы сегодня тебя не беспокоили. – Лысый пожал плечами. – А у барышни черная метка. И заметь, барышня очень настойчивая.

– Уже заметил, – Арсений кивнул.

– Ну вот, настойчивая барышня с черной меткой, намеренная идти до конца. Вот я и сказал...

– Направил по ложному следу за одноруким, одноглазым?

– Прости, что первое в голову пришло, то и сказал. Я ж не думал, что она в самом деле в парк пойдет.

– А она пошла. Лысый, знаешь, где я ее нашел? – Если бы Марта не видела Арсения, то подумала бы, что говорит кто-то другой, так сильно, почти до неузнаваемости, изменился его голос. – Я нашел ее на кладбище... А у меня флейта, если ты еще не заметил...

– Матерь божья! – Она так и не поняла, испугался ли Лысый на самом деле, или эти двое по-прежнему разыгрывали перед ней комедию. – Крысолов, я не подумал...

– Плохо. Плохо, что ты не подумал. – Арсений – или теперь уже Крысолов? – потрепал по загривку пса.

Марта выбила из пачки последнюю сигарету – слишком много выдалось этой ночью стрессовых ситуаций, – закурила. Значит, вот он какой – великий и ужасный Крысолов, человек, о талантах которого ходят легенды! Странный. Да, странный, но на первый взгляд совершенно обыкновенный. Однорукий, одноглазый... идиот. Ей вдруг стало до слез обидно: за свою наивность, за чужую дурость, за ни за что проданную душу, за враз потерявшую флер таинственности сказку о великом и ужасном Крысолове, за загубленные туфли, черт возьми! Если бы он, этот самонадеянный паяц, хотя бы извинился, если бы он хоть попробовал загладить свою вину, наверное, она попыталась бы его простить. Но он не собирался, он смотрел на нее с интересом энтомолога, изучающего новую букашку, и желтые стекла его дурацких очков хищно поблескивали.

– Ты думаешь, я специально над тобой издевался? – спросил он с вежливой улыбкой.

Именно так она и думала, но отвечать не стала, лишь глубоко, до покалывания в легких, затянулась сигаретой. Сейчас бы встать, послать эту самонадеянную сволочь к черту и уйти. Она бы и послала, но в самый последний момент перед внутренним взором всплыло лицо Наты, а в ушах зазвучал ее голос: «Марта, ты дрянь, но в тебе течет моя кровь. Я все улажу». Теперь пришло ее время платить по счетам. И если Нате нужен Крысолов, она наплюет на гордость и обиды и сделает все от нее зависящее, чтобы он не отказался ей помочь.

– Я не издевался. – Крысолов правильно понял ее молчание. – Я хотел убедиться.

– В чем?

– В том, что тебе действительно нужна моя помощь.

– Мне не нужна твоя помощь! – Она в раздражении махнула рукой, и пепел с сигареты просыпался на скатерть. Лысый неодобрительно покачал головой, но предпочел промолчать. – Твоя помощь нужна одному человеку, близкому мне человеку...

– Как знать. – Крысолов побарабанил пальцами по столу, посмотрел на Марту поверх очков. Она так и не поняла, что он хотел сказать этим своим «как знать». Сейчас ее интересовало только одно – согласится ли он ей помочь.

– Я согласен. – То ли Мартины мысли были написаны у нее на лице, то ли Крысолов и в самом деле обладал нечеловеческой проницательностью, но на вопрос он ответил раньше, чем тот прозвучал. – Назови адрес. Завтра я подъеду.

– Записывать не будешь? – Ей бы поблагодарить, ведь это огромная удача, что он согласился, а она задает глупые вопросы.

– Он запомнит, – вместо Крысолова ответил Лысый и растянул губы в вежливой улыбке.

– Значит, с памятью у однорукого, одноглазого дядьки в дождевике все в порядке! – Злиться на Крысолова было никак нельзя, а вот поставить на место этого лысого идиота ей никто не запретит. – Господи, какое счастье!

– Я уже извинился. – Бармен смахнул в ладонь упавший на скатерть пепел, припорошил им свою макушку. – Виноват, милая барышня, каюсь!

– Паяц.

– Паяц, если вам будет так угодно.

– Вот тут адрес и контактные телефоны. – Марта положила на стол визитку Наты.

Крысолов, не глядя, сунул визитку в карман джинсов, натянул куртку и кепку, зажал под мышкой флейту. Пес, снова придремавший у его ног, вскочил, потряхнул башкой и грозно клалнул зубами.

– Мы будем ждать тебя в час дня. – Марта следила за манипуляциями Крысолова с брезгливой настороженностью.

– В восемь вечера. – Он обернулся, посмотрел на нее поверх очков. – Я приеду в восемь вечера.

Все, сказал – как отрезал. Вроде бы и вежливо, а попробуй возрази. Это же он ей делает одолжение, а не она ему. Хотя какое уж тут одолжение! Еще неизвестно, сколько он запросит за свою... консультацию.

– До завтра. – Крысолов остановился в дверях, прощально взмахнул рукой. – Был рад познакомиться.

– А уж я как рада, – буркнула Марта себе под нос.

– Повезло, – сообщил Лысый, когда за Крысоловом захлопнулась дверь. – Он в последнее время с клиентами почти не общается. Творческий кризис... Я думал, что и тебя пошлет, а оно во как! Слушай, – он перегнулся через стол, посмотрел на Марту с отеческой заботой, – ты на него не обижайся. Он вообще-то хороший парень. Ну, может, малость с придурью.

– Ага, я уже заметила, – Марта резко встала, – вы тут все малость с придурью!

* * *

Кофе горчил. От этой почти хинной горечи не спасали ни три ложки сахара, ни плитка швейцарского шоколада. Ната оставила чашку, поймав настороженный взгляд домработницы Зинаиды, раздраженно взмахнула рукой.

– Иди уж! Что стала? – сказала нарочито строго.

В том, что проблемы не в кофе, а в ней самой, Ната знала как никто другой, но прислугу привыкла держать в строгости. Впрочем, Зинаида за тридцать лет верной службы все хозяйские странности выучила наизусть, потому на строгость не обижалась, позволяла себе с Натой такое, что не всякий из домочадцев мог позволить.

– Так нешто невкусно, Ната Павловна? – Круглое, побитое оспинами лицо Зинаиды сморщилось, пошло складочками. – Так, может, я чайку заварю – липового, как вы любите? А, Ната Павловна? Или, может, сливочек в кофей добавить для вкуса?

– Господи, Зинаида, какие сливочки?! – Ната достала из серебряного портсигара сигарету, щелкнула зажигалкой. – Пепельницу лучше подай!

– Доктор вас, Ната Павловна, предупреждал, чтоб курили поменьше. – Зинаида бухнула на стол хрустальную пепельницу, неодобрительно покосилась на сигарету. – А вы что? Все смолите и смолите, что тот паровоз!

– Зинаида! – Ната хлопнула ладонью по столу с такой силой, что серебряная ложечка на тончайшем фарфоровом блюде тихо звякнула. – Зинаида, ты домработница или нянька моя? – спросила она уже спокойнее.

– Так если ж вы, Ната Павловна, словно дитя малое, если ж предписания не выполняете, – засопела Зинаида. – А кто вам еще в этом доме правду скажет? Вы ж тут всех в черном теле... – она испуганно ойкнула, прикусила язык.

– Ну, договаривай, раз уж начала. – Ната с наслаждением затянулась сигаретой. – Кого это я тут в черном теле держу? Ты говори-говори, а то ж мне в этом доме, кроме тебя, никто правды не скажет.

Прежде чем ответить, Зинаида поправила и без того расставленные в идеальном порядке столовые приборы, посопела многозначительно.

– А вот и скажу! – заявила с отчаянной решительностью. – Хоть режьте меня, Ната Павловна, хоть вешайте, а с Марточкой вы несправедливо обходитесь. Она ж вам единственная родная кровиночка, а вы с ней хуже, чем с прислугой. Вон Эдик, шалопут, на прошлой неделе машину разбил! А вы что же? А вы ему сразу денег на ремонт! Анастасия мечется все, себя ищет, понимаешь ли! То ей Париж, то Лондон! То ей живопись, то дизайн! Она, видите ли, натура тонкая! А Верочка? Верочка наша то с одним ухажером, то с другим! Для мужского журнала, я слыхала, в голом виде снялась. – Зинаида строго поджала губы, сложила на груди пухлые руки.

– Ну, скажем, не в голом, а в полуобнаженном. – Ната стряхнула с сигареты пепел, бросила быстрый взгляд на часы. Время у нее есть, до назначенной встречи еще целый час. Можно собраться с мыслями, еще раз прокрутить в голове то, что она собирается сказать Крыслову, но и Зинаиду послушать будет не лишним, она иногда очень толково рассуждает. – Опять же, у Верочки фигура такая, что ее не грех показать. Это мы с тобой, Зинаида, старые кошелки, а ей сам бог велел.

– Скажете тоже – кошелки! – Непонятно, за себя или за них обеих обиделась домработница. – Вы, Ната Павловна, хоть и в годах, а до сих пор красавица такая, что глаз не отвести.

Вот она – простота в первозданном ее проявлении! Красавица в годах! Да, в годах, а еще в инвалидной коляске...

– Только вы меня не путайте, – спохватилась Зинаида, – я не про то сейчас.

– А про что же? – Ната подъехала к настезь распахнутому французскому окну, полной грудью вдохнула густой, терпко пахнувший травами воздух. Гроза будет. На небе еще ни облачка, но Ната знает наверняка, грозу она научилась предчувствовать еще с детства. Может, потому до сих пор и жива, что всегда знает наперед, когда гром грянет...

– А все про то же! Илья, когда проворовался...

– Зинаида! – Ната нахмурилась. – Илья не проворовался, ему попался недобросовестный партнер.

– Ага, пятый партнер, и снова недобросовестный! – парировала Зинаида. – И вы его в пятый раз выручили.

– Больше не стану, – пообещала Ната, наблюдая, как закатное солнце золотит стены паркового павильона. – Ты меня знаешь.

– Так вот в том-то и дело, что я вас знаю, Ната Павловна! – Зинаида покосилась на дверь, перешла на жаркий шепот: – У вас шесть внуков...

– Уже пять. – Сердце больно кольнуло, а во рту снова стало горько, только на сей раз не от кофе, а от сигареты. – Максима больше нет...

Зинаида, уже вошедшая в раж, замерла, часто-часто заморгала белесыми ресницами, зашептала себе под нос что-то непонятное – то ли молитву, то ли проклятье.

– Что? – повысила голос Ната. – Знаешь ведь, не люблю я эти причитания. Все, нет Максима! Умер! – Сердце снова сжалось, колкой болью заставляя снова вспомнить то, что из памяти уже никогда не вытравить. Раннее утро, сонный парк и испуганный крик Зинаиды... Максим повесился. Привязал веревку к перилам, набросил петлю на шею и спрыгнул со смотровой площадки. Максим, самый странный, самый отчаянный и самый талантливый из ее внуков, он был почти таким же любимым, как Марта. Был... – Чем причитать, лучше портсигар подай.

– Земля ему пухом. – Зинаида перекрестилась и тут же неодобрительно покачала головой: – А доктор говорил...

– Зинаида! – Сердце чуть отпустило, ровно настолько, чтобы можно было сделать вдох. – Я сама себе доктор, а ты пока еще моя домработница, а не личный советник. Давай портсигар! И пепельницу уж заодно.

Эх, обманывали ее органы чувств: горчило не кофе и не сигареты, горечью выкристаллизовывались душевная смута и страх. Копились из года в год, почти никак себя не проявляли, а теперь вот травят...

– Максим сам себя сгубил. – Зинаида взяла со стола пепельницу. – Наркотиками этими треклятыми.

Может, сам, а может, и не сам... Ната щелкнула зажигалкой, прикуривая, взмахнула рукой, отгоняя от лица облачко дыма.

– Жалеете его, Ната Павловна? – Домработница застыла с зажатой в руке пепельницей, посмотрела жалостливо и настойчиво одновременно.

– Жалею, – Ната кивнула, забрала пепельницу, пристроила у себя на коленях. – Я их всех жалею.

– Так уж и всех? – Зинаида покачала головой. – А отчего ж вы с Мартой тогда так неласково, Ната Павловна? Знаю, вы их всех вырастили, они вам все как родные, но Марта-то родная на самом деле, по крови родная.

По крови родная... Знает Зинаида, куда бить, чтоб больнее было. Может, и не нарочно, да только от этого не легче. И ведь не объяснишь, в себе все приходится держать: и про ту ночь, и про другую... Родная кровь... такая же черная. Тут одной только любовью не справишься, тут по-другому нужно. Знать бы еще, как по-другому. Пять лет словно чужие, словно враги, по острию бритвы, так, что ноги в кровь. Где любовь, где ненависть – не разобрать. За такую услугу, за то молчание ненависть – самая верная плата. Но это только между ними, тут посторонним делать нечего.

– Ну, была девка шепутной, было дело. – Зинаида, если и поняла ее многозначительное молчание, то проигнорировала. – Ну, дурила по малолетству. А кто не дурил? Это ж Максим, царствие ему небесное, ее втянул. Он же всегда без тормозов был, а она такая... наивная, доверчивая.

Марта наивная?! Может, и была в детстве, только эта пора давно закончилась, выросла девочка, а она не усмотрела, упустила момент, когда черная кровь начала себя проявлять. Поначалу-то и не особо заметно было, права Зинаида – молодые все шепутные, но все равно смотреть нужно было за внучкой во все глаза, а она проморгала. Вот и платят они теперь обе, каждая по собственным счетам. Вот и горечи оттого прибавилось.

– Зинаида. – Ната многозначительно побарабанила пальцами по портсигару.

– А сейчас-то Марта совсем другая стала: денег у вас не просит, для мужских журналов голяком не снимается, машины по пьяной лавочке не разбивает, своим умом живет. Что ж вы с ней так-то? А, Ната Павловна? – Когда-то ярко-голубые, а теперь вылинявшие до невзрачно-серого глаза домработницы смотрели с укором. Нет, нельзя давать прислуге волю, даже такой преданной, как Зинаида.

– Вон пошла. – Ната загасила недокуренную сигарету, развернула коляску так, чтобы видеть только парк за распахнутым настежь окном. – Много говоришь, Зинаида.

За спиной послышалось многозначительное сопение. Обиделась. Теперь неделю станет молчать и дуться. Пусть лучше так, чем эти разговоры. Про себя и Марту она и так все знает, не помогут тут ни душевспасительные беседы, ни уговоры. А вот кто поможет, она сегодня вечером попробует выяснить. Скоро уже. Марта сказала, тот мальчик согласился. Хорошо, что она поручила это дело Марте. Ненависть сама по себе мощная сила, а ненависть, приправленная чувством долга, может горы своротить.

* * *

Клиентка жила вдали от городской суеты, но не в облагороженном, подогнанном под нужды сильных мира сего загородном поселке, а в самом настоящем имении, со старым парком, выложенной красным камнем подъездной аллеей, парковыми скульптурами, похожим на небольшую часовенку павильоном – все основательно, элегантно, с налетом аристократизма. Арсений припарковал джип неподалеку от входа в двухэтажный, сияющий белыми стенами особняк, поверх очков полюбовался изящными ионическими колоннами, окинул взглядом разбегающиеся от дома и исчезающие в глубине парка дорожки, распахнул дверцу, выпуская уставшего от долгой неподвижности Грима. Пес спрыгнул на землю, припал на передние лапы, принялся. В этот момент он казался похож на поисковую собаку, одну из тех, что показывают по телику в криминальных репортажах. В каком-то смысле Грим и являлся поисковой собакой, только натаскан он был на нечто особенное.

– Ну, как тебе тут? – Арсений потрепал Грима по загривку, бросил взгляд на футляр с флейтой. Может, и не пригодится, но пусть находится под рукой на всякий пожарный. – Ничего странного?

Пес снова потянул носом пахнущий грозой воздух, громко чихнул и замотал головой – понимай как знаешь.

– Должно быть. Надо только поискать. Девчонка непростая. Видел, как они к ней потянулись на кладбище?

Да, девчонка была непростая, на ней чувствовался отпечаток того, что Арсений про себя называл меткой. В его собственной классификации каждая из меток имела свое уникальное цветовое выражение. Страшнее и ярче всех были метки скорой смерти, они обвиняли свои жертвы черными, словно из дыма сотканными змеями. Первое время, еще в самом начале пути, Арсений пробовал с ними работать.

Дымные змеи сопротивлялись, захлестывали запястья, оставляя энергетические ожоги, шипели и извивались, не желая покидать своего носителя. Он был молодым и самоуверенным, он многого не знал о себе и о метках, оттого едва не умер сам, сражаясь за чужую жизнь с неизбежным и непобедимым...

...В тот раз кома длилась недолго – всего сутки. Арсений очнулся в уже знакомой палате, и снова первым человеком, встречавшим его в мире живых, была Селена.

– Это уже становится недоброй традицией. Может, нам стоит зарезервировать для тебя отдельную реанимационную палату? – Селена улыбалась, но в ее разноцветных глазах читалась тревога.

– Эта меня вполне устраивает. – Арсений вытянул перед собой руки, удовлетворенно кивнул – черные дыры ожогов уже почти затянулись. – Долго я на сей раз?

– Двадцать три часа с того момента, как твой друг привез тебя в центр. – Селена заправила за ухо платиновую прядь, достала из кармана халата фонендоскоп, сказала буднично: – Тогда они были совсем черными, до локтей. Я сделала что могла. Но ты же знаешь, в последнее время мой потенциал почти на нуле, дальше тебе придется самому. Давай-ка я тебя послушаю.

– Подожди. – Арсений перехватил ее пальцы, и непонятная мерзость с его кисти потянулась к запястью Селены. Она болезненно поморщилась, но руку не отняла. Клятва Гиппократова и все такое. Сама помирай, а пациента исцели... – Прости. – Он выпустил ее, наблюдая, как рвутся черные нити, уже соединившие их с Селеной.

– Ничего, – она пожала плечами и смахнула выступившие на лбу бисеринки пота. – Не обращай внимания.

– Я что-то тебе должен? – он виновато улыбнулся и скрестил руки поверх хрусткой больничной простыни.

– На сей раз одной плиткой шоколада не откупишься.

– Я куплю тебе ящик, когда выберусь отсюда. – Арсений огляделся в поисках своих очков. Наверное, можно было обойтись и без них, но это ведь больница, пусть и элитная. В элитных больницах тоже умирают люди, а ему сейчас никак нельзя отвлекаться, ему нужно разобраться. В первый раз в первый класс... Когда же он научится понимать, как управляться с тем, что ему подбросила судьба то ли в качестве подарка, то ли в качестве проклятья?!

– Ни секунды в этом не сомневаюсь. – Селена кивнула, и с такой тщательностью заправленная за ухо прядь снова занавесила ей пол-лица. – Но давай сначала я тебя осмотрю...

...Ему с ней повезло, с этой девочкой с разноцветными глазами. О том, что она необычная, Арсений начал догадываться почти сразу, как вышел из той своей самой первой, самой долгой комы...

Тогда, как и сейчас, она сидела у его больничной койки. Совсем молоденькая, с изможденным лицом и глазами почти одинаково блекло-серого цвета. Тогда он еще не знал, что ее глаза – это индикатор. Если внутренние батарейки заряжены по максимуму, глаза яркие и лучистые – один зеленый, второй синий. Если энергия в батарейках на нуле – вот такие, грязно-серые. Не знал он и того, что она доктор, и несколько дней называл сестричкой, а она не поправляла, только вежливо улыбалась в ответ на его неуклюжие заигрывания. Между делом она сообщила Арсению, что он провел в коме почти два месяца после тяжелой черепно-мозговой травмы.

Он практически ничего не помнил из того, что случилось с ним до. А то, что помнил, казалось жутким и иррациональным. Из реального и более-менее правдоподобного в памяти остались лишь обрывки. Оттягивающий плечо набитый учебниками рюкзак, темнота декабрьского вечера, снежинки в свете одинокого фонаря, хрусткий ледок под ногами, заиндевшие стекла очков и острое ощущение того, что жизнь проходит мимо, а он, студент четвертого курса физмата Арсений Гуляев, так и останется стоять на ее обочине. Откуда родом это чувство, Арсений не понимал, но твердо верил, что так оно и было в его прежней, докоматозной, жизни и что все случившееся потом – это лишь лишнее подтверждение того, что он типичный лузер. Он даже из комы выкарабкался не победителем, а столетней развалюхой. Врачи называли это чудом, казуистикой, говорили, что кровоизлияние в мозг – это еще очень скромная плата за такую тяжелую, несовместимую с жизнью травму.

Скромная плата! В неполных двадцать два остаться парализованным инвалидом, неспособным не то что ходить, ложку держать. Бабушка Арсения умерла от инсульта, он знал, как это бывает: перекошенное лицо, струйка слюны из уголка рта, скрюченная рука, непослушная нога. А теперь он на собственной шкуре почувствовал, каково это – сделаться беспомощным и никчемным, потерять веру в себя.

Мысли были убийственными, Арсений засыпал и просыпался с ними. Это если удавалось заснуть, потому что одним из последствий черепно-мозговой травмы стала головная боль. Жесточайшая, не убиваемая ни таблетками, ни уколами, сводящая с ума и лишаящая сил, но притом удивительным образом расцветивающая окружающий мир яркими мазками и сполохами. Ему становилось легче лишь в присутствии доктора с разноцветными глазами и странным именем Селена.

Арсений хорошо помнил, как это было в первый раз. Он уже почти потерял человеческий облик от боли, когда на лоб легла прохладная ладонь. Кончики пальцев светились нежно-голубым, он не видел этого, но знал наверняка, как и то, что прохладное нежно-голубое с Селениных пальцев проникает сквозь кости черепа, успокаивает, убаюкивает, забирает боль. Когда врач отняла руку, боль почти прошла, нежно-голубое сделалось вдруг

тревожно-фиолетовым, а разноцветные глаза стали цвета давно не стиранных больничных простыней.

– Одну секундочку. – Селена пыталась улыбаться, но улыбка получалась кривой, почти такой же кривой, как послеинсультная улыбка самого Арсения, и руки у нее дрожали, а на лбу и подбородке выступили капельки пота. – Мне нужно... – Из кармана халата она достала шоколадку, развернула торопливо и неловко, не ломая плитку, откусила сразу большой кусок. – Сахар в крови упал, – пробормотала, запивая шоколадку водой из его больничного стакана. – Скоро все пройдет, ты не волнуйся.

Все прошло, не так быстро, как она обещала, но прошло: глаза сделались яркими и вызывающе разноцветными, порозовели губы, перестали дрожать руки, а тревожно-фиолетовый снова превратился в успокаивающе-голубой.

Арсений тогда толком ничего не понял, кажется, он уснул раньше, чем Селена покинула палату, кажется, он даже не успел сказать ей спасибо. Единственное, что он запомнил ярко и четко, – это взаимосвязь между окружающим Селену светом и исчезновением боли. Утром следующего дня он встречал ее с шоколадкой. Просто так, на тот случай, если она снова решит забрать его боль.

– Это мне? – Она посмотрела на шоколадку задумчиво, и в задумчивости этой Арсению почудилась тревога. – Нежно-голубое свечение вокруг Селены полыхнуло ультрамарином. Может, полыхнуло, а может, Арсению просто показалось из-за набирающей силу боли.

– Чтобы сахар не падал. – Он попытался улыбнуться, левый угол рта беспомощно дернулся, превращая улыбку в уродливую гримасу.

– Он падает не «до», а «после». – Селена присела на край больничной койки, по-ученически сложила ладони на коленках. – Как самочувствие?

– После вчерашнего, – Арсений запнулся, – после того, что ты сделала, мне стало легче.

– Это странно. – Она заправила за ухо длинную челку и посмотрела на Арсения сияющими глазами. – Я думала, это прошло и больше не вернется. Я вчера даже не надеялась... просто хотела помочь.

– Ты помогла. Таблетки не помогли, а ты помогла. – Арсений замолчал, не решаясь попросить о главном, о том, ради чего выложил на тумбочку шоколадку.

– Если хочешь, я могу попробовать еще раз.

– Попробуй, пожалуйста.

...Бесконечная череда дней. Потерявшие счет шоколадки. Бледно-голубое, перетекающее в фиолетовое. Первые по-детски неуклюжие шаги. Улыбка, все еще кривоватая, но уже похожая на человеческую. И разговоры, долгие, потаенные, про то, что не рассказать даже лучшему другу Лысому, про разноцветные ауры и дымно-серые тени, про утраченную и вновь обретенную Селеной способность к целительству, про их общие маленькие тайны и победы.

Наверное, Арсений бы влюбился. Даже наверняка влюбился, если бы однажды не выглянул вечером в окно. Селена даже не шла, а летела к ожидающему ее мужчине. Арсений не мог видеть их лица, но по окружающему этих двоих золотому свечению как-то сразу понял, что влюбляться в Селену бессмысленно, что вот этот статный, длинноволосый щеголь, небрежно опирающийся на черную трость, уже давно обошел его на виражах судьбы. Нет, Арсений не ревновал. Бессмысленно ревновать к такому, что сияет ярче золота. Просто стакан, который он пытался удержать парализованной рукой, вдруг ухнул на пол, разлетаясь на мелкие осколки.

* * *

С тем, что у Селены есть муж и маленькая дочь, Арсений смирился довольно быстро, и так же быстро его любовь трансформировалась в другое, по-родственному светлое и теплое, чувство. Селена стала частью его заново отстраиваемого мира, очень большой частью. Наверное, поэтому в день выписки Арсений нервничал.

Он еще не выздоровел окончательно, впереди были долгие курсы реабилитации и борьбы за возможность вернуться к прежней, докоматозной, жизни. Арсений страшился того, что ждало его за больничными стенами, но еще больше боялся того, что происходило с ним самим.

К разноцветным аурам, окружающим людей и предметы, он привык довольно быстро, они не мешали ему в восприятии мира. Маленькая дополнительная опция, в принципе, ненужная, но и не обременительная и уж тем более не страшная. Но из пограничного мира он, оказывается, прихватил и еще одну, уже не такую безобидную, способность...

Этого пациента Арсений помнил с того самого дня, как выбрался из инвалидного кресла, научился пользоваться костылями и начал выходить в общий коридор. Невысокий старичок в интеллигентных очочках, с аккуратной бородкой и непременно обернутой в пожелтевшую газету книгой. Про себя Арсений называл его профессором. Аура у профессора была землисто-серой, нездоровой. Она вспыхивала жизнерадостным зеленым, лишь когда старик раскрывал свою книгу и погружался в чтение.

Профессор пришел к Арсению за два дня до выписки, вошел без стука, уселся на стул у окна, посмотрел виновато и просительно.

– Здравствуйте, молодой человек! – У него оказался зычный, никак не вяжущийся с тщедушным телом голос. – Прошу прощения, что вынужден вас побеспокоить, но ситуация сложилась таким образом, что обратиться мне больше не к кому.

Арсений уже хотел было сказать, что персонал в больнице ответственный и любезный и любую просьбу пациента выполнит с удовольствием. Хотел, но не сказал – отвлекся на одну маленькую странность. У профессора не было ауры. Ни землисто-серой, ни ярко-зеленой – никакой! За дни, проведенные в реабилитационном центре, Арсений встречал лишь одного человека без ауры. Этот человек каждое утро таращился на него из зеркала, нервно улыбался кривоватой улыбкой, близоруко щурил синие глаза. В том радужном мире, который кто-то наложил на его привычно-унылый мир, подсветки не было только у него самого.

– Дело в книге. – Визитер нервно пригладил редкие волосы. А вот и вторая странность: книги, с которой профессор никогда не расставался, на сей раз с ним не было. – Ах, простите меня великодушно! Забыл представиться! – Он церемонно привстал со стула. – Мережко Эммануил Яковлевич, с позволения сказать, коллекционер.

– Очень приятно. – Сказать по правде, в происходящем не было ничего приятного. Ни светский тон, ни добродушное лицо профессора не могли избавить Арсения от гнетущего, вгрызающегося в позвоночник чувства неправильности.

– Дело в книге, – повторил профессор и растерянно посмотрел на свои ладони. – Редкая вещь, я бы даже сказал, уникальная – «Выписка новых заповедей» Иона Схоластика тысяча восемьсот семьдесят третьего года! Вы представляете, молодой человек?

– Честно говоря, не очень. – Арсений пожал плечами. – Редкая, наверное, книга?

– Редчайшая, уникальнейшая и очень дорогая. – Старик огляделся, словно в палате их могли подслушать. – Я уже нашел покупателя, но все никак не решался расстаться со своим сокровищем, все тянул и медлил, старый дурак. И ведь покупатель достойнейший – коллекционер, настоящий ценитель. Да не из тех, что купят шедевр, а потом всю жизнь держат в банковской ячейке за семью печатями. С книгами так нельзя, книгам человеческие

руки нужны. Вы знаете, молодой человек, – профессор подался вперед, поманил Арсения пальцем, – я ведь только сейчас понял, каким чудовищным эгоистом был, потому что...

Договорить он не успел, дверь в палату распахнулась, впуская внутрь постовую медсестру Альбину Ивановну, женщину в равной мере добрую и хамоватую.

– Душно-то как! – Она окинула палату зорким оком. Под ее строгим взглядом профессор втянул голову в плечи и, вскочив со стула, бочком протиснулся в полуоткрытую дверь. – Гуляев, что стоишь? А ну, марш на процедуры! Зову его, зову! – Альбина Ивановна обмахнулась папкой с листами назначений и добавила уже спокойнее: – Батареи кочегарят почему зря. Окно открой перед выходом, пусть проветрится хоть немного.

Путь к процедурному кабинету лежал мимо палаты профессора. Арсений подумал, что как-то бестолково оборвался их странный разговор, уже намерился было войти, когда дверь палаты открылась сама. Санитарка тетя Люба, маленькая и верткая, бормоча что-то себе под нос, бухнула прямо под ноги Арсению сначала мешок с грязным постельным бельем, а следом ведро с водой и швабру. Перед тем как дверь в палату захлопнулась, он успел разглядеть сидящего на незаправленной больничной койке профессора. Старик поймал его взгляд, виновато улыбнулся. Нет, определенно нужно зайти поговорить.

Арсений уже взялся за дверную ручку, когда тетя Люба, громыхнув ведром, заинтересовалась:

– Куда собрался, хлопец?

– Туда.

– А что тебе там делать? – Тетя Люба посмотрела на него снизу вверх, нахмурилась.

– Поговорить хотел. – Не отпуская ручку, Арсений оперся плечом о дверной косяк. – А что – нельзя?

– Нельзя. – В голосе санитарки послышались какие-то странные нотки, а ее коричневая аура слегка потемнела. – Ты не знаешь, что ли? – спросила она шепотом и, не дожидаясь ответа, продолжила: – Умер он, пациент-то. Сегодня утром преставился. Постовая заглянула, а он лежит посередине палаты уже неживой.

– Глупости, – Арсений мотнул головой и толкнул дверь. – Вы что-то путаете, потому что я только что... – Договорить он так и не смог – палата была пуста...

– Глупости – это то, что я тебе врачебные тайны рассказываю, – обиделась тетя Люба, – а в человеческой смерти, милый мой, нет никакой глупости. Он старый уже был, да и больной насквозь. И так чудо, что протянул так долго.

– Кто? – спросил Арсений, растерянно оглядывая палату.

– Так Мережко этот, который преставился. Жалко мне его, одинокий он был, лечился у нас уже раз шесть, наверное, и ни разу к нему никто не наведалься. Это ж разве хорошо, когда вот так-то? – Тетя Люба перекрестилась, сказала, ни к кому конкретно не обращаясь: – Кто хоронить-то будет? – А потом, точно опомнившись, добавила: – Шел бы ты, хлопец, куда шел. Чего уж теперича?.. Ему теперича разговоры твои без надобности...

Ох, как тетя Люба оказалась не права – покойный Эммануил Яковлевич Мережко жаждал общения! Он пришел в палату к Арсению ночью, присел на облюбованный еще днем стул, деликатно откашлялся, дожидаясь, пока к собеседнику вернется дар речи.

– Покорнейше прошу меня простить, – сказал он виновато и, сдернув с носа очки, принялся протирать их краем больничной пижамы. – Я и сам, знаете ли, не сразу понял, что происходит... в первый раз со мной такое...

– Что – в первый раз? – От страха голос сделался сиплым и едва различимым, но профессор прекрасно расслышал.

– Опыт внетелесного существования. Очень любопытно, доложу я вам, но есть некоторые сложности коммуникации. Это просто счастье, что я нашел вас, молодой человек.

– Меня? – Арсений едва удержался, чтобы не последовать примеру тети Любы и не перекреститься.

– Надо думать, что людей со способностями медиумов не так и много, а мне посчастливилось повстречаться с вами буквально сразу после смерти. Думаю, это большая удача.

– Я не медиум. – Все-таки Арсений перекрестился и даже молитву сотворил, путаясь в словах, заикаясь, глотая окончания.

Ночной гость терпеливо ждал, а когда Арсений закончил, самым светским тоном продолжил прерванный разговор:

– Собственно говоря, если бы не книга, я бы не стал вас тревожить, молодой человек. Но ситуация безвыходная, я к физическому миру отныне отношение имею лишь косвенное, а с книгой нужно что-то делать.

– Что? – спросил Арсений. Он вообще ничего не понимал, происходящее казалось дурным сном, настолько странным и нелепым, что даже испугаться как следует не получалось. Он медиум! Смех, да и только...

– Я вам уже говорил, что есть человек, готовый ее купить! – сообщил профессор. – Я понимаю, что при жизни не продал бы ее никогда, но теперь ей просто необходим хороший хозяин. Если бы вы не отказались мне помочь, если бы выступили посредником в этой сделке, уверяю вас, внакладе никто бы не остался. Книга стоит восемьдесят тысяч долларов, и это по самым скромным прикидкам.

– Вам нужны деньги?

– Мне?! Бог с вами, молодой человек! Мне уже ничего не нужно, я хочу только одного, чтобы моя книга попала в хорошие руки.

– А деньги? – спросил Арсений.

– А деньги оставьте себе. Вы молоды, полны планов. Для восстановления сил и здоровья вам понадобится качественная медицинская помощь, а это по нынешним временам весьма затратно. Ну, что скажете? – Старик подался вперед, заглянул Арсению в глаза. – Соглашайтесь, сделка обоюдовыгодная.

Да, сделка была обоюдовыгодная, потому что деньги Арсению были нужны, как воздух. Его пребывание в этом супероснащенном и суперэлитном реабилитационном центре оплачивал какой-то научно-исследовательский институт, но долго ли продлится спонсорская помощь, Арсений не знал. Сколько еще его случай будет считаться уникальным и достойным изучения? Один месяц, два... А дальше что? Что делать родителям, и без того всю жизнь перебивающимся с копейки на копейку, сначала чтобы вырастить его, потом чтобы дать достойное образование и вот сейчас, чтобы поставить на ноги?

– Что я должен сделать? – спросил Арсений после недолгих раздумий.

– Для начала вы должны забрать книгу.

– Ту, с которой вы не расставались при жизни?

– Ту самую, – профессор кивнул. – И ведь понимал, что брать ее с собой в больницу – большой риск, а по-другому никак не мог. Слаб человек...

– И где она сейчас?

– У сестры-хозяйки, вместе с остальными моими вещами. Надо только как-то туда проникнуть.

– Она свою каморку всегда закрывает. – Арсений вспомнил до краев наполненную чувством собственной значимости сестру-хозяйку, которую побаивались, кажется, даже врачи, и усомнился в успехе предприятия. – И времени в обрез, меня завтра выписывают.

– Погодите отказываться, дружочек! – зачастил гость. – Неужели нельзя что-нибудь придумать?!

– Я подумаю, – пообещал Арсений. – Только теперь мне бы хотелось побыть одному. Если не возражаете...

– Подумайте, очень вас прошу. И не буду вам мешать. – Гость встал со стула, сделал несколько шагов в сторону двери и исчез, словно его и не было. А вдруг и в самом деле не было: может, это последствия черепно-мозговой травмы? Галлюцинации...

* * *

– Это не галлюцинации! – Селена, единственный человек, которому Арсений мог рассказать о странностях своего нынешнего существования, протестующе мотнула головой.

– А что тогда? – Арсений посмотрел на стул, на котором еще ночью сидел усопший Эммануил Яковлевич Мережко, а сейчас как ни в чем не бывало, забросив ногу за ногу, восседала Селена.

– Призрак Мережко, я думаю. Зацепился он за эту свою книгу и не хочет уходить. Так бывает, когда в этом мире остаются важные нерешенные дела.

– Значит, призрак? – Арсений с сомнением покачал головой.

– Почти уверена.

– А я, стало быть, тот, кто видит призраков? Может, не я один его вижу? – спросил он с тайной надеждой в голосе. – Может, это не я особенный, а он нетипичный призрак?

– Ты же сам только что рассказывал, что медсестра с санитаркой его не замечали. Опять же, ауры эти... – Селена задумчиво замолчала.

– Кто знает, что это именно ауры? Вдруг это у меня после травмы такие побочные эффекты?

– После травмы. – Селена согласно кивнула. – Ты в коме пробыл два месяца, не забывай, а многие паранормальные способности раскрываются именно в таких экстремальных ситуациях.

– И что же теперь делать? – За стеклом кружились редкие февральские снежинки, падали на голый асфальт и тут же исчезали без следа. Вот бы и эта его... особенность исчезла.

– У него в самом деле нет никаких родственников. Я узнавала. – Селена тоже подошла к окну, прижалась лбом к стеклу, замерла, всматриваясь во что-то, Арсению невидимое.

– У кого?

– У Мережко. У него никого нет: ни детей, ни внуков, ни жены. Нет никого, кто станет претендовать на наследство.

– И что?

Она поежилась, отвернулась от окна, в упор посмотрела на собеседника.

– А то, что он все еще волен распоряжаться своим имуществом, – сказала врач твердо. – Ему нужно, чтобы его книга оказалась в надежных руках, а тебе требуются деньги на реабилитацию. Немалые деньги, Арсений.

– Это ты сейчас намекаешь на то, что я должен согласиться? – Пальцами парализованной руки он пробежался по изрядно отросшим после операции волосам. Пальцы ничего не почувствовали. С таким же успехом он мог схватиться за раскаленный утюг...

– Не намекаю, а говорю открытым текстом. – Глаза Селены сияли ярко и дерзко: один синим, второй зеленым. И аура тоже была напористого сине-зеленого оттенка. – Я сделала для тебя все, что могла, но моих сил не хватит на многое. Дальше ты должен бороться сам. И это будет нелегкий путь.

– Сколько мне потребуется времени, чтобы полностью восстановиться? – Арсений задавал этот вопрос сотни раз не только Селене, но и другим врачам, но ни разу не получил на него прямого ответа. Ответ уже давно жил у него внутри, неутешительный, а временами и вовсе страшный, но только сейчас парень нашел в себе силы произнести: – Полностью я не восстановлюсь никогда, ведь так?

– Если не случится чуда. – Он так надеялся, что Селена соврет, но она не соврала.
– Чудес не бывает. – Арсений невесело усмехнулся, баюкая свою парализованную руку. – Не быть мне Мистером Совершенство.

– Чудеса бывают, – сказала Селена твердо. – Я это точно знаю. Надо только очень хотеть.

– Я хочу, честное слово.

– Арсений, ты никогда не возьмешь первое место в армрестлинге, наверняка до конца жизни будешь хромать и потратишь уйму сил и времени на то, чтобы вернуть себе нормальную дикцию и артикуляцию, но кто знает, какие перспективы открывает перед тобой новый дар!

– Мне не нужны такие перспективы. – Он знал это наверняка. Он был не из числа тех сумасшедших, которые готовы душу заложить за какие-то там сверхспособности. Обычный парень, усредненный, может, даже ниже среднего, лузер без здоровых амбиций и четких перспектив.

– Пусть тебе не нужны перспективы, – в голосе Селены Арсению почудилась горечь, – но тебе нужны деньги.

– Все так, но эта чертова книга у сестры-хозяйки, а меня выписывают через пару часов.

– Вот она. – Из непрозрачного полиэтиленового пакета Селена достала завернутую в газету книгу, ту самую, из-за которой не хотел уходить в лучший мир Эммануил Яковлевич Мережко. – Это все, что я могу для тебя сделать. Дальше, и с живыми, и с мертвыми, тебе придется разбираться уже самому. Удачи!

– Спасибо. – Он сунул книгу в рюкзак и едва удержался от глупых и никому не нужных слез, когда его щеки коснулись прохладные пальцы Селены.

– Береги себя, Арсений.

* * *

Воспоминания о тех давних событиях всего на мгновение выбили Арсения из колеи, но этого хватило, чтобы он проморгал появление Марты.

– Добрый вечер. – Она стояла на крыльце дома, кутаясь в безразмерную вязаную кофту и поглядывая встревоженно то на наливающееся грозой небо, то на Грима, то на самого Арсения. – Ты пунктуален.

– Я старался. – Он усмехнулся, сделал знак Гриму. Пес недовольно фыркнул, прижался боком к левой ноге. Грим всегда держался слева, точно оберегал так до конца не восстановившуюся ногу хозяина.

– Ната это оценит.

Сейчас Марта не смотрела ни на него, ни на Грима, взгляд ее на секунду расфокусировался. Наверное, тоже что-то вспомнила. И видно, что воспоминания эти неприятные, потому что ее золотистая аура вдруг пошла нервной рябью, а метка, та самая странная метка, сделалась на мгновение почти видимой обычным человеческим зрением. Метка... Не то нимб, не то диадема, дымно-серая, почти касающаяся волос, беспокойная, переливчатая, непонятная. Никогда раньше...

– Ната – моя бабушка. Это она тебя нанимает. – И снова нервная рябь на золотистой, едва различимой глади, и снова серые сполохи над головой. Коснуться бы, почувствовать, какая она – эта странная метка, но нельзя. Он уже битый, причем не единожды, знает, что хвататься голыми руками за всякие непонятные штуки – себе дороже. Может быть, потом, когда разберется, что это такое...

– Я в курсе. – Да, Арсений был в курсе многих вещей. Прошли те времена, когда он работал с клиентами вслепую, не собрав достаточной информации, когда спешил помочь

каждому, невзирая на лица и обстоятельства. Вторая кома научила его разборчивости и осторожности...

Если она и удивилась, то вида не подала. Она вообще хорошо держалась – эта девица. Даже тогда, в парке. Даже когда узнала, что ее обманули. Было в ней что-то особенное, то, что Элеонора, невероятная тетушка Селены, называла породой. Наверное, это тоже какая-то особенная метка, специальный генетический код, позволяющий своему обладателю при любых обстоятельствах выделяться из серой массы.

А она выделялась. Холодной нордической красотой, которую обеспечивают не косметологи и визажисты, а порода, королевской осанкой и королевским же наклоном головы, хорошо завуалированным, выдрессированным, но все же временами проступающим презрением к окружающему миру. Вот на крючок презрения Арсений и попался, на его загадочную безадресность, даже какую-то самонаправленность. Это не было похоже на спесь и гордыню, это что-то большее и гораздо более глубокое. А еще метка...

– Тогда прошу в дом! – Марта распахнула дверь, а потом, точно спохватившись, добавила: – Пса своего оставь в машине. Ната не терпит...

– Он пойдет со мной. – Арсений успокаивающе погладил ощерившегося от такой невиданной наглости Грима по голове, мимолетно порадовался ощущениям в левой, уже почти нормальной, руке. Селена оказалась права – чудеса иногда случаются, только вот плата за них бывает непомерно велика. – А если твоя бабушка не терпит в доме животных, я готов поговорить с ней в парке.

– Не нужно. – Марта мотнула головой, и длинная белая челка занавесила пол-лица. Совсем как у Селены. – Я думаю, Ната сделает исключение. Видишь, – она снова посмотрела на небо, – гроза собирается. Уже, наверное, скоро.

– Через двадцать минут, не раньше. – Способность чувствовать грозу была одним из его второстепенных талантов, примерно таким же, как умение видеть ауры. – Если дело не очень серьезное, мы успеем поговорить.

– Дело серьезное.

В голосе Марты, до этого звонком и твердом, вдруг послышались растерянные нотки. Она не знает, зачем он понадобился ее бабке. Или догадывается, но не уверена на все сто процентов. Значит, в предстоящей партии она не партнер, а всего лишь пешка. Очень энергичная и очень привлекательная пешка...

– Меня не зовут на несерьезные дела. – Арсений почти не покривил душой. Случались, конечно, и в его практике казусные моменты, но серьезных и опасных было куда как больше. – Ничего не хочешь мне сказать сейчас, до начала разговора с твоей бабушкой? Ничего такого, что мне следовало бы знать заранее?

– Хочу. – Марта улыбнулась, и дымная корона у нее над головой на секунду утратила свою четкость. – Ната непредсказуемая, она умеет... – Что умеет загадочная Ната, она так и не договорила, лишь досадливо махнула рукой и скрылась в темноте за дверью.

– Непредсказуемая, – усмехнулся Арсений и взял Грима на поводок. – Это у вас, похоже, наследственное.

Дом был солидный. Вот именно солидный. Все в нем, начиная картинами и заканчивая антикварной мебелью, говорило о том, что его хозяева не только не стеснены в средствах, но и обладают хорошим вкусом. Потому что, не имея вкуса и чувства меры, невозможно соединить в единую и гармоничную композицию предметы, принадлежащие разным эпохам. Впрочем, чему удивляться, если знать, кому в свое время принадлежал этот особнячок и чьей внучкой является Марта. Агентурная сеть Лысого работала исправно, информацию Арсению предоставили не только на Марту и ее бабуку, но и на всех ныне живущих и уже почивших родственников. К слову, родственников у барышни было немало, этот факт мог

значительно осложнить работу. Всегда гораздо приятнее работать один на один с заказчиком, без посредников, пусть даже таких привлекательных, как Марта.

Мартыны каблуки звонко и одновременно тревожно цокали по наборному паркету, а ее силуэт был уже едва различим в анфиладе комнат. Просто дворец какой-то, а не загородный дом. Арсений ускорил шаг, левая нога отозвалась едва заметной и уже давно привычной болью. Перестук каблуков оборвался внезапно, последнее «цок» зависло под потолком и не таяло, кажется, целую вечность.

– Я привела его, – слышалось из-за оставленных призывно приоткрытыми двустворчатых дверей.

Ишь, какая! Не он пришел, а она его привела! Арсений успокаивающе погладил насто-
жившегося Грима, переступил порог ярко освещенной комнаты.

Шелковый ковер на полу, хрустальная люстра под потолком, раздуваемые ветром полу-
прозрачные шторы, запахнутое настежь французское окно и два женских силуэта на фоне
стремительно темнеющего грозового неба.

Он знал, что бабка Наты не может ходить. Знал, но, несмотря на это знание, тут же
почти рефлекторно мобилизовался. Пять лет прошло, а воспоминания о вот почти точно
таком же инвалидном кресле до сих пор свежи. Не вытравить их никакой психотерапией. Это
как невидимый якорь, который зацепил и не отпускает, всякий раз заставляет возвращаться
к прошлому, тому страшному прошлому, в котором он, Арсений, тоже был беспомощным
инвалидом.

Хотя кто сказал о беспомощности? Женщина в инвалидном кресле вовсе не казалась
беспомощной. Даже глядя на Арсения снизу вверх, она умудрялась сохранять королевское
достоинство. А ему, простому Крысолову, вдруг захотелось пасть ниц и внимать ее словам
с открытым сердцем. Это плохо. Это плохо, потому что Ната, теперь уже язык не поворачи-
вался назвать ее бабкой, вызывала у Арсения слишком много противоречивых эмоций, а
эмоции мешают работе.

У нее были ярко-зеленые, совершенно девичьи глаза. Будь в Арсении хоть капля роман-
тики, он бы назвал эти глаза ведьмовскими. Эти глаза оказались даже ярче, чем у Марты,
хотя, казалось бы, куда уж ярче! В реальном мире не встречается такого чистого, такого
пронзительного цвета. Даже сейчас, в возрасте более чем преклонном, сидящая перед Арсе-
нием женщина не растеряла былой красоты и стати. Тонкие черты лица, нос с небольшой
горбинкой, седые, но по-прежнему густые волосы, посадка головы, осанка... Вот откуда в
Марте порода – от бабки! Тот же взгляд, тот же чуть насмешливый прищур, изящная линия
шеи, тонкие запястья, нервные пальцы и при кажущейся хрупкости – стальной стержень
внутри.

Стержень Арсений тоже мог видеть. Или скорее не видеть, а чувствовать. Их было
не так много вокруг – людей со стержнем. Стержни нынче что-то вроде атавизма, без них
запросто можно обойтись. Особенно если ты женщина, особенно если ты очень красивая
женщина.

– Добрый вечер, молодой человек!

Ната смотрела на него своими ведьмовскими глазами, а он буквально шкурой чувство-
вал, как его изучают, сканируют, выворачивают наизнанку. Может, у нее тоже есть способ-
ности? Что-то такое, что выделяет ее из толпы, помимо внешности? Или все намного проще
и она тоже навела о нем справки?

– Здравствуйте, мадам. – Арсений сделал шаг к инвалидной коляске, коснулся поце-
луем протянутой руки, холеной, почти лишенной признаков возраста, с маникюром и одним-
единственным скромным серебряным колечком. Колечко – это странно. Такой даме пойдут
бриллианты или изумруды, на худой конец, а тут не пойми что, дешевая поделка. Или у этого
колечка совсем иная ценность? – Рад знакомству.

За спиной тихо рыкнул Грим, может, тоже здороваясь, а может, демонстрируя таким образом ревность.

– Скажу честно, я бы предпочла встретиться с вами при других обстоятельствах, Арсений. – Ната посмотрела поверх его головы на Грима, и в ее глазах мелькнула тень недовольства. Видимо, не врала Марта про запреты. – Я ведь могу называть вас вот так запросто – Арсением? – спросила она светским тоном. – Или вам больше по сердцу обращение Крысолов?

– Как вам будет угодно, мадам. – Арсений выпрямился, бросил быстрый взгляд на Марту.

В присутствии бабушки вся ее яркость и нордическая холодность поблекли. Перед Арсением стояла уже не воинственная амазонка, готовая на все, даже на ночные прогулки по кладбищу, а обычная девчонка, пытающаяся казаться взрослее и опытнее, чем есть на самом деле. Он подозревал, что подобные метаморфозы случились из-за Наты. Если так, то врагу не пожелаешь такую бабушку.

– «Арсений» звучит более мелодично. – Женщина кивнула.

Мелодично... Он едва удержался от ироничной усмешки. Если говорить о музыке, то его точно нужно называть Крысоловом. Пять лет назад Лысый дал ему эту кличку не просто так. Тогда она звучала дико, а теперь Арсений с ней сроднился и почти привык к ее тайному смыслу.

– Меня можете называть Натой. Не люблю лишних церемоний. Кстати, о церемониях! – Ната обернулась, посмотрела на внучку. – Марта, я отпустила Зинаиду. Будь любезна, завари нам с Арсением чаю.

– Кофе, если можно.

Арсений снял очки, сунул их в нагрудный карман куртки. Ранее приглушенный желтыми стеклами мир больно полоснул по глазам буйством красок. Крысолов на секунду зажмурился, переживая боль, посмотрел сначала на Нату, потом на Марту. Их ауры были одинакового золотистого цвета, такое иногда встречается у кровных родственников, нечасто, но встречается. У Селены и Элеоноры ауры тоже одного цвета. Это, конечно, если Селенины «батарейки» не на нуле. Единственное, что отличало внучку от бабушки, – это метка. Дымной диадемы над головой Наты Арсений не увидел ни в очках, ни без очков.

– Значит, мне зеленый чай, а нашему гостю – кофе. – Ната обвела гостиную задумчивым взглядом, а потом велела: – И подай мне сигареты.

Вот так, безо всякого «пожалуйста» или «будь любезна», словно Марта ей не родственница, а прислуга. Очень интересно.

* * *

Мальчик был забавный. Настолько забавный, что на мгновение Ната перестала верить в его сверхспособности. Она видела Крысолова только на фотографии, да и фотография та была старой, а детям свойственно быстро расти и меняться. Сейчас он стал совсем другим, этот забавный мальчик. Сила иногда творит с людьми странные вещи. Если, конечно, в нем есть хоть толика Силы.

Ната затаилась сигаретой, вгляделась в марево за окном. Еще не ночь, но из-за надвигающейся грозы уже совсем темно, вон даже фонари зажглись. Время неудачное, совсем неподходящее для того, что она задумала, но выбирать ей не позволили. Впервые за многие годы решение приняли за нее. И кто принял?! Мальчишка, ровесник Марты, паяц в желтых очках...

Раздражение накатило внезапно, горькое, как дым от сигареты. Вся ее жизнь – теперь сплошная горечь, а ведь когда-то казалось, что она вырвалась из тисков обстоятельств. Ната

прикрыла глаза, успокаиваясь, на корню убивая совершенно ненужное сейчас чувство, сделала глубокий вдох, посмотрела не на гостя, а на Марту. Та уже закончила сервировать стол. На троих. Глупая, наивная девочка...

– Марта, ты можешь быть свободна! – Привычная сталь в голосе и вежливая улыбка. Зинаида не права: она не придирается к внучке, она пытается понять, защитить и защититься. Черную кровь можно усмирить только так. Если вообще можно усмирить... – Я хочу поговорить с Арсением наедине.

Марта не ожидала, она уронила ложечку на блюде с громким, неприличным стуком, и сосредоточенное выражение ее лица сменилось растерянным, а в самых уголках глаз затаилась обида. Еще один ребенок, решивший, что ему позволят играть во взрослые игры. Господи, сколько же их вокруг – беспомощных, наивных, привыкших к тому, что Ната все исправит, все урегулирует. Их ли это вина? Сложный вопрос. Иногда беззаветная любовь рождает монстров. Понять бы это раньше, не было бы сейчас этой горечи, не сжималось бы от боли сердце. Пустое! Сделанного не воротишь.

– Я буду у себя. – Марта не обращалась ни к кому конкретно. Она, так же как и сама Ната, смотрела в темноту за окном. – Если понадобится, позови.

Отвечать не обязательно, достаточно кивка головы. Они обе уже привыкли к такому общению, они уже почти забыли, как было раньше. Так проще и безболезненнее.

Крысолов, в душе Ната продолжала называть мальчишку Крысоловом, пил кофе неторопливыми глотками. Пес, неслыханная дерзость – привести животное в ее гостиную, дремал у его ног. Пес такой же странный, как и хозяин. Черный, ни единого светлого пятнышка, огромный, с тяжелым взглядом почти человеческих глаз. Хорошо, что он спит, так проще.

– Мне нужна ваша помощь, Арсений. – Начать разговор оказалось нелегко, не помогли ни сигарета, ни крепкий зеленый чай. – Я попала в очень затруднительное положение.

Он не удивился. Наверное, все его клиенты попадали в положения разной степени затруднительности. Он просто отодвинул чашку с недопитым кофе и сказал:

– Я вас слушаю, Ната.

Сколько раз она мысленно представляла себе эту беседу, сколько раз прокручивала в голове слова, которые скажет Крысолову, а сейчас вот растерялась.

– Вы верите в злой рок, Арсений?

Вместо ответа он лишь кивнул, а его чертов пес приоткрыл один глаз.

– Мне кажется, над моей семьей навис злой рок. – Вот она и сказала то, что собиралась. Сердце испуганно вздрогнуло и забилося часто-часто. Наверное, пришло время послушать врачей и перестать курить. – Хуже того, мне кажется, что в тех несчастьях, что происходят с моими близкими, виноват мой муж. Мой покойный муж. Вы знаете, кем он был?

– Знаю. – Крысолов кивнул. – Савва Стрельников, известный художник, скульптор, гений.

– Я бы сказала – злой гений. – Она едва удержалась от желания обернуться, чтобы посмотреть, а не стоит ли за ее спиной мертвый Савва. Тридцать лет прошло со дня его смерти, а она продолжает жить с этим свербящим, совершенно иррациональным чувством. – Маленький экскурс в историю, если не возражаете.

Крысолов не возражал. Он смотрел очень внимательно и сосредоточенно, но не на нее, а на что-то видимое только ему одному. За ее спиной...

– Про его вклад в искусство, про его картины и его фонд вы сможете узнать из энциклопедий и Интернета. Я сейчас попробую рассказать о другой стороне жизни Стрельникова, и не перебивайте меня, пожалуйста, Арсений, мне и без того нелегко дается этот разговор.

Он и не думал ее перебивать, он гладил свою собаку и смотрел в пустоту. Может, зря она все это затеяла? Но теперь уже поздно, Ната Стрельникова не из тех, кто отступает.

– Вы видели павильон в парке? – спросила она, гася в пепельнице так и не докуренную сигарету.

– Видел.

– Он необычный. Вы должны войти в него, чтобы понять, что это такое, – сказала она с нажимом, и загашенная сигарета просыпалась серым пеплом.

– Сейчас?

– Чуть позже. – Ната стряхнула с пальцев пепел. Вот бы с такой же легкостью стряхнуть с себя все проблемы! Да, видимо, не судьба.

– Савва построил павильон еще до встречи со мной и уже после нашей свадьбы надстроил второй этаж для меня.

– Для вас? – В ровном голосе Крысолова не было и тени интереса.

– На втором этаже что-то вроде домашней обсерватории, с мощным телескопом и выходом на крышу. Я была аспиранткой кафедры небесной механики и гравиметрии астрономического института. Давно, очень давно, еще до брака с Саввой. Обсерватория – его свадебный подарок.

– А что в самом павильоне?

– На первом этаже была мастерская Саввы. Ну, не совсем мастерская, скорее место для уединения. Иногда он любил там работать, временами задерживался допоздна. Он всегда относился к ним как-то по-особенному, считал, что им не место под открытым небом, что их нужно оберегать от посторонних глаз.

– Кого?

– Муз.

– Муз? – А вот теперь Крысолов удивился или, может, не удивился, а решил, что она свихнулась. – Это тех мифических муз, которые воодушевляют творцов на свершения?

– Отчасти. Я сейчас объясню. Савва был человеком увлекающимся, я бы даже сказала, склонным к мистицизму. Он обладал особенным видением мира. Он сам был особенный.

Точно в подтверждение слов Наты, черный бархат неба вспорола молния, где-то над парком гроыхнуло – Савва всегда любил спецэффекты...

– Уже скоро, – сказал Крысолов с непонятной, ну точно мальчишеской радостью в голосе.

– Любите грозу?

– Люблю.

– А я вот как-то не очень. Если вас не затруднит, прикройте окно. С возрастом я стала чувствительной к сквознякам.

Любой нормальный, хорошо воспитанный мужчина, оказавшись он на месте Арсения, непременно сказал бы, что она великолепно выглядит, что о возрасте ей думать еще рано. Но ее визитер не был нормальным, хорошо воспитанным мужчиной, он был Крысоловом, поэтому молча прикрыл створки французского окна.

– Савва преклонялся перед женской красотой. – Прочь глупые мысли, сейчас нужно думать только о главном! – Он был женат восемь раз.

– В официальной биографии упоминаются только шесть жен. – А он подготовился к их встрече. Это хорошо.

– Полагаю, что отношения с двумя первыми женщинами Стрельников не оформлял официально, но они были, уверяю вас! – Она даже знала, как звали этих несчастных! Эрато¹ и Эвтерпа². Ната даже подозревала, какой смертью они умерли, но доказательств у нее не имелось, увы. Савва всегда отличался хитростью и осторожностью.

¹ Эрато – муза любовной поэзии.

² Эвтерпа – муза лирической поэзии.

– А вы, надо думать, являлись его последней супругой?

– Да, я была его последней женой. Савва умер у меня на руках от сердечного приступа. Но речь сейчас не об этом. – Пальцы коснулись холодной поверхности портсигара, и Натe снова захотелось курить. – Женщины его воодушевляли. В них он черпал свое вдохновение и каждую называл именем одной из муз.

– Вы были Уранией?³ – Может, у Арсения и были проблемы с воспитанием, но проблем с образованием не было точно.

– Да, я была Уранией.

– Но муз, если мне не изменяет память, девять.

В стекло ударила первая капля. Ната вздрогнула, сжала в руке портсигар.

– Жениться на Полигимнии⁴ Савва не успел. – С этим мальчиком, с Крысоловом, нужно быть максимально честной. Не рассказывать всю правду, но дать в руки хоть какие-то нити. Вдруг ей повезет и он сможет помочь, не вдаваясь в темные тайны их с Саввой семейной жизни.

– А она была?

– Кто?

– Женщина, которая должна была стать Полигимнией.

– Вы задаете очень нескромные вопросы. – Натe удалось выдавить из себя улыбку. И пальцы, сжимающие портсигар, почти не дрожали.

– У меня такая работа. – Он пожал плечами, и пес снова открыл один глаз. – Если вы не хотите об этом говорить, я могу уйти.

– Я не хочу об этом говорить, но я буду об этом говорить. Подозреваю, что мое место рано или поздно заняла бы другая женщина. Савва мечтал о том, что когда-нибудь он соберет свой паноптикум полностью.

– Почему паноптикум? Скорее уж пантеон. И простите за еще один неудобный вопрос: куда девались отслужившие свое музы? Они от него уходили?

– Можно и так сказать. – Сердце сжалось так, что потемнело в глазах. Остаток сил ушел на то, чтобы, не суетясь и сохраняя достоинство, проглотить таблетки. Уже которую дозу за этот бесконечный день. – Они от него уходили в вечность.

– Не понял...

– Музы Саввы Стрельникова умерли.

– Все семь?

– Все семь. – Боль немного отпустила, но перед глазами все еще стояла серая пелена.

– Своей смертью?

– По-всякому. Естественная смерть, несчастный случай, причины всегда были разными, един только исход.

– Значит, вам повезло.

– Да, мне повезло.

– Я вас правильно понимаю, – Крысолов подошел вплотную к окну, склонил голову набок, прислушиваясь к дробному перестуку дождевых капель, – вы подозреваете, что ваш покойной супруг был причастен к гибели своих жен?

Вспышка молнии на мгновение озарила парк, выхватив из черноты белый силуэт павильона. Ната прикрыла глаза, чтобы не видеть. Ее бы воля... Впрочем, воля даже сейчас, спустя десятилетия, оставалась не ее.

– У меня нет доказательств, – сказала Ната, так и не решаясь открыть глаза.

– А что есть?

³ Урания – муза астрономии и точных наук.

⁴ Полигимния – муза торжественных песнопений.

– Павильон. – Ната махнула рукой в сторону укрытого пеленой дождя парка. – С ним что-то неладно, но я до сих пор не могу понять, что именно. Многие беды в моей семье начинались именно в тот самый момент, когда кто-нибудь решался потревожить их покой.

– Чей покой?

– Статуй. Каждой из своих жен Савва посвятил статую. Их просто нужно увидеть. Они невероятно красивы и невероятно чудовищны.

– Музы?

– Да, музы. Мертвые музы моего мертвого мужа. Вы должны мне поверить, я человек науки, у меня математический склад ума, и я далека от мистицизма. Но, когда я решила убрать статуи в первый раз, погибли мои дочери. Одна из них была матерью Марты. Внучке на тот момент не исполнилось еще и года.

– С тех пор прошли годы.

– Да, с тех пор прошли годы, и это повторилось снова. Их потревожили, и они отомстили.

– Как? – В глазах Арсения вспыхнули искорки интереса. Или это было всего лишь отражение молнии?..

– Вот так. – Ната выразительно посмотрела на свои парализованные ноги. – Несчастный случай. Я упала с лестницы.

– Понимаю вас. – Наверное, он и в самом деле мог ее понять, когда-то он тоже находился в подобной ситуации, но понимания и сочувствия мало. Крысолов должен поверить – все, что творится в ее доме, происходит из-за Саввы. Это он тот невидимый кукловод, который дергает за ниточки чужих судеб. – Понимаю, но, согласитесь, несчастный случай – это еще не доказательство злого рока.

Жестокий мальчишка! Жестокий и глупый, вместо слов утешения он произнес то, что сказал бы на его месте любой обыватель. Но ведь он не обыватель! Он Крысолов! Он должен чувствовать неслучайность таких вещей.

– А вскоре после этого один из моих внуков покончил жизнь самоубийством, – отчеканила Ната. – Самоубийство – это уже не несчастный случай.

– Да, самоубийство – это не несчастный случай, но я так и не понял, чего вы от меня хотите.

– Я хочу, чтобы вы осмотрели дом, парк, павильон. Очень внимательно осмотрели.

– Я должен искать что-то конкретное?

Крысолов снова смотрел на что-то поверх ее плеча. Ната не выдержала – обернулась. Да, обострившиеся до предела чувства ее не подвели, за ее спиной и в самом деле был Савва. Савва смотрел на них с висящего на стене автопортрета, улыбался загадочной своей улыбкой и привычно шурил черные бездонные глаза. Убрать портрет она так и не смогла. После той истории с павильоном побоялась.

– Вы должны искать его, – выдохнула Ната, и копившийся годами ужас сизым облачком вырвался из груди. – Я уверена, в том, что происходит с моими близкими, виноват он.

– Ваш покойный муж?

– Да, мой покойный муж. Вам ведь не впервой общаться с мертвецами. Найдите его. Вы можете?

– Я могу. – Крысолов подошел к портрету Саввы, пес черной тенью скользнул следом. – Если дух вашего мужа до сих пор здесь, я могу его отыскать. Что дальше? – Он развернулся, в упор посмотрел на Натю. – Что мне сделать, когда я его найду?

– Вы должны заставить его уйти. Навсегда! – За окном снова гроыхнуло, и белый всполох молнии отразился в мертвых глазах нарисованного Саввы, а его улыбка сделалась многозначительной.

– И вы не хотите узнать, почему он так поступает с вами?

– Я знаю, почему он с нами так поступает! – Потянуло сквозняком и сыростью, Ната поехала, усилием воли отвела взгляд от портрета. – Вы не должны с ним разговаривать, вы должны просто заставить его уйти!

Это было рискованно. Это был самый тонкий и самый опасный момент во всей затее. Станет ли мальчишка четко следовать инструкциям, не разыграет ли в нем любопытство или обычный юношеский максимализм? И что будет с ними со всеми, если страшная правда выплывет наружу?

– Он опасен. – Когда Ната снова заговорила, голос ее был совершенно спокоен. – Для всех нас и для вас в том числе. Я говорила, что при жизни Савва увлекался мистицизмом? Мне кажется, его сил и тайных знаний хватило на то, чтобы остаться здесь навсегда.

– С вами?

– Со своими музами. И он уничтожит всякого, кто встанет у него на пути. Я старая, я давно стою перед дверью в другой мир, но у меня есть внуки, и я желаю им только добра. Поэтому прошу вас, Арсений, не заговаривайте с этим чудовищем! Просто сделайте так, чтобы он оставил нас в покое.

На его лице, нескладном, чуть ассиметричном, читалась задумчивость, и Ната расценила ее как добрый знак.

– Я примерно знаю, сколько вы берете за свои услуги, – сказала она, поглаживая портсигар. – Арсений, я готова заплатить вам вдвое больше. Или, если желаете, назовите свою сумму. Уверю вас, я не стану мелочиться.

– Я назову сумму. – Крысолов погладил своего пса. – Но только после того, как сделаю дело.

– Когда вы можете приступить?

– Прямо сейчас. В доме есть еще кто-нибудь, кроме вас и Марты?

– Нет.

Слуг она отослала, а внукам, остальным своим внукам, просто запретила сегодня возвращаться в поместье. Они не стали спорить, они уже давно поняли, что спорить с ней бесполезно. Но вот эта гроза... как же некстати!

– В таком случае я, пожалуй, начну с дома. – В этот момент он изменился, из расхристанного неформального мальчишки вдруг превратился в того, кем был на самом деле, – в охотника. В Крысолова...

Творец, 1919 год (Эрато)

Октябрьский ветер гнал по бульвару мусор и опавшие листья. Не прекращающийся уже который день дождь превратил яркий и безумный Монпарнас в одно из самых унылых мест на земле. Жизнь затаилась под крышами мансард, дремала у скудно топленных печей, и только здесь, в «Ротонде», она была ключом и не останавливала свой бег ни на секунду. В дымном мареве кафе лица и фигуры расплывались, вытягивались, теряли очертания и пропорции. Вот он – абстракционизм! Сама жизнь дает подтверждения правильности выбранного пути. Только так, только с такими людьми, только в этой непостижимой атмосфере праздника и безумия можно понять мир и себя.

Савва обхватил озябшими руками чашку горячего супа, довольно зажмурился. Это там, снаружи, ненастье и неправильность мира, а здесь, в «Ротонде», он свой среди своих. Пусть совсем еще юный, пусть наивный и нищий, зато свято верящий в свою звезду.

В неполные девятнадцать он уже многого достиг. Вырвался из-под душной опеки родителей, сменил страну, нашел учителей и единомышленников, отыскал свой творческий путь и свой Парнас. Осталось лишь найти свою музу. Не дешевую, вечно пьяную и битую жизнью шлюху с улицы Веселья, проку от которой нет никакого. Не знакомых каждым изгибом и каждой ложбинкой натуриц из «Парижской школы», а нечто совершенно неосжи-

данное, нечто такое, от чего загорятся глаза, жадно затрясутся руки и вскипит выстуженная осенним ветром кровь. Муза. Ему непременно нужна муза. Своя собственная, не принадлежащая больше ни одному мужчине в мире.

Савва нашарил в кармане последнюю сигарету и задумался, а не заказать ли рюмочку полынной водки, но не решился. Взгляд упал на дремлющего за соседним столиком Амедео⁵. Пролитый на скатерть суп, пустая рюмка, разбросанные по столу карандашные наброски со следами от кофейных чашек. Были те, кто считал Модильяни кутилой и неудачником, наверняка таких было большинство, но Савва знал: Амедео – гений, нищий, непризнанный, несчастный. Гений, у которого была своя собственная муза – нежная, полупрозрачная, но, увы, такая беспомощная⁶.

Там же, в кармане с заветной сигаретой, нашлось пять франков – настоящее богатство, если распорядиться им с умом. Савва отсчитал три франка и украдкой, убедившись, что никому из посетителей кафе нет до него дела, сунул их в карман Амедео.

Это не было ни жалостью, ни подачкой, это было платой. С карандашных набросков Модильяни на него глядели лица, непостижимо неправильные и непостижимо живые – гениальные. Дрожащими уже не от холода, а от возжеления руками Савва аккуратно разгладил и сложил наброски. Ровно три, по одному франку за набросок. Сейчас Амедео не нужны деньги, но наступит утро, и скромная плата за то, что должно было пойти на растопку печей «Ротонды», придется как нельзя кстати.

Суп уже почти остыл, но Савва съел его с большим удовольствием. Вкуснее похлебки господина Либьона⁷ может быть только его же кофе. Теперь, когда в кармане стало на три заветных франка меньше, кофе начал казаться непростительной роскошью. Если бы не беснующийся за окнами ветер, Савва, пожалуй, отказался бы от кофе, но как выйти в такое ненастье, не согревшись?! Решено! На кофе он экономить не станет, лучше уж обойдется без сигареты. А сигарету, самую последнюю, самую сладкую, выкурит завтра вместо утреннего кофе.

Гарсон уже спешил к его столику, когда в стильный октябрьский день Саввы вошла она – его муза.

Она стояла по ту сторону окна. Неуловимо разная, вся какая-то текучая из-за сползающих по стеклу дождевых капель – его муза. Она куталась в тонкое пальтецо, пряча озябшие руки в длинных рукавах. Она была похожа на один из набросков Амедео, такая же хрупкая и нереальная. Ветер трепал ее длинные волосы, и из-за них Савва не мог рассмотреть лица девушки, но это было неважно, все его существо потянулось к ее текучему силуэту, к плавным линиям, к нелепой пурпурной розе, отчаянно цепляющейся за ее черные волосы. Вот он и нашел свою музу!

Ее звали Амели. Сидя напротив Саввы, допивая его кофе, испуганно вскидываясь от привычных для завсегдатаев криков и ругани, то и дело поправляя в мокрых волосах нелепую тряпичную розу и разглаживая нервными пальцами измятую салфетку, она рассказывала о своей жизни. Амели говорила, а Савва завороченно слушал, точно это была дивная сказка, а не грустная история начинающей проститутки. Сейчас, глядя в ее черные глаза, путаясь взглядом в невероятно длинных ресницах, он готов был взять назад свои собственные слова. Падшая женщина тоже может стать музой, особенно такая женщина.

В комнате Саввы было холодно. Хозяин, известный скряга, сэкономил на отоплении, но им было жарко. На узкой скрипучей кровати, под ветхим одеялом Савва узнавал и учился любить свою музу. А потом Амели позировала ему у залитого дождем окна – нагая, гибкая,

⁵ Речь идет о художнике Амедео Модильяни.

⁶ Речь идет о Жанне Эбютен, последней возлюбленной Амедео Модильяни.

⁷ Речь идет о Пьере Либоне, хозяине знаменитого парижского кафе «Ротонда».

текучая. И нелепая тряпичная роза в ее волосах на холсте расцветала дивным цветком, яркостью затмевающим хрупкую красоту своей хозяйки. А потом они лежали обнявшись на кровати, курили одну на двоих ту самую последнюю, самую сладкую сигарету и строили планы на будущее. Планы, которые обязательно должны были исполниться...

* * *

Мужик с картины смотрел на Арсения как на давнего знакомого. Черные глаза внимательно следили за каждым его движением, не по возрасту полные губы многозначительно ухмылялись. То ли этот Савва Стрельников и в самом деле обладал какими-то сверхспособностями, то ли просто был гениальным художником, способным вдохнуть жизнь даже в мертвый холст.

А негибамая, стальная Ната его боялась. Ее золотистая аура шла нервной рябью, как только речь заходила о покойном хозяине «Парнаса». Ишь, каким затейником оказался этот Савва Стрельников: жил на Парнасе, в окружении муз, себя мнил Аполлоном, не иначе.

– Вы откуда планируете начать?

Ната раскрыла портсигар, окинула задумчивым взглядом его содержимое, но так и не закурила. Правильно сделала, что не закурила. Он, конечно, не Селена, которая умеет болячки не только лечить, но и видеть, но даже его простых обывательских знаний хватает, чтобы понять: Ната Стрельникова нездорова. Здоровые люди таблетки с собой не носят.

– Начну с дома, если вы не возражаете.

Она не возражала.

– Дом в вашем полном распоряжении! – Ната махнула рукой. – Мое присутствие обязательно?

По глазам, изумрудно-зеленым, ведьмовским, было видно, как ей хочется, чтобы Арсений сказал «да», но он сказал «нет». Меньше народа – больше кислорода. И пространства для маневров...

– Я, пожалуй, сам.

Грим, почуявший скорую работу, вскочил на лапы, принялся.

– В таком случае это вам. – Ната протянула ему связку ключей. – Некоторые комнаты заперты, если вам вдруг понадобится...

Арсений знал, что не понадобится, но ключи на всякий случай взял, сунул в карман джинсов.

– А павильон закрывается? – спросил уже на выходе из гостиной.

– Зачем? – Ната посмотрела на него так, словно он сказал какую-то глупость. – Никто, находясь в здравом уме и трезвой памяти, не станет тревожить их покой.

– Муз?

– Муз! – Все-таки она не выдержала – закурила. Вдоль ее запястья зазмеилась тонкая струйка дыма. – Я буду ждать вас здесь, если не возражаете.

– Договорились! – Арсений отошел от залитого дождем окна, Грим привычно прижался боком к его левой ноге. – Думаю, я скоро вернусь.

Особняк спал. Или притворялся спящим. Арсений не знал наверняка, чем живут вот такие дома с историей. Дома, которые пережили не одно поколение хозяев и видели, как меняется мир, а сами оставались почти неизменными. Единственное, в чем Крысолов не сомневался, это в том, что дом помнит, что творилось в его стенах. Жаль только, что рассказать не может.

Собственно говоря, Арсению не нужно было осматривать здание от подвала до чердака, то особенное шестое чувство, которое было с ним уже пять лет, молчало. Грим тоже вел себя совершенно спокойно. Самое интересное наверняка не здесь, а в парке, но для очистки

совести пройтись по усадьбе все-таки стоит. Или не для очистки совести, а ради удовлетворения любопытства? Арсений бывал в разных домах – и в старинных особняках, и в слепленных из стекла и бетона новодолах, но до сих пор не утратил совершенно детского любопытства. Иногда дома были отражением своих хозяев, а иногда медленно, но неуклонно заставляли хозяев подстраиваться под себя. Интересно, кто кого переделывал: дом Савву или Савва дом?

На первом этаже царила тишина. Арсений шел через анфиладу комнат, и эхо от его шагов загроможденно металось под потолком. Первый этаж явно был предназначен не для частной, а для публичной жизни: приемы гостей, зимние посиделки у камина, игры в бильярд и преферанс. К самому интересному, скрытому от посторонних глаз, вела широкая дубовая лестница, даже ступеньки ее поскрипывали как-то по-особенному, не официально, а домашнему уютно.

Второй этаж освещался приглушенным светом настенных светильников, а пушистая ковровая дорожка почти полностью гасила звук шагов. Арсений остановился в центре небольшого холла, осмотрелся. В стороны уходили два коридора. Двери комнат были плотно закрыты, и только из-под одной из них пробивалась полоска света. Не нужно обладать особым даром, чтобы догадаться – комната принадлежит Марте. Вот и Грим понял все правильно, припал на передние лапы, принялся, а потом вопросительно посмотрел на Арсения – не желает ли тот заглянуть на огонек.

Арсений желал. Было в этой нордической красавице что-то такое, что не отпускало, заставляло возвращаться мыслями к их первой встрече. Может быть, та призрачная диадема, вплетающаяся дымными нитями в белые волосы, а может, еще что-то, до конца не разгаданное и не проанализированное. Наверное, стоит прислушаться к совету Лысого и познакомиться с барышней поближе. Но это только после того, как будет выполнен заказ. Опять же, не факт, что после завершения этой истории с неугомонным художником и его музами барышня захочет продолжить общение. Он, конечно, уникален и в некотором роде ас, но во всем остальном, в том, что касается обычной человеческой жизни... Левую руку кольнула уже почти забытая боль, и левый уголок рта предательски дернулся вниз, напоминая, что в мире обычных людей он никто, фрикер, вчерашний инвалид...

Почувствовавший перемену в настроении хозяина, Грим поднырнул под ладонь, потерся носом о колено, заглянул в глаза совершенно человеческим взглядом.

– В другой раз, – сказал Арсений шепотом, хотя сам уже прекрасно понимал, что никакого другого раза не будет. – Мы не станем мешать личное с профессиональным.

Не было в его жизни никакого личного. До того странного и страшного вечера, закончившегося двухмесячной комой, в его жизни и девушек никаких не было. Не вписывался студент Арсений Гуляев в девичьи стандарты красоты и харизматичности. Девушки появились уже многим позже, когда от прежней докоматозной жизни почти ничего не осталось, когда Арсений, точно змея старую кожу, сбросил с себя и прошлое, и лузерскую оболочку. Превращение в Крысолова не было гладким и безболезненным, даже видя в зеркале свое совершенно изменившееся отражение, Арсений не мог понять, насколько загадочный Крысолов харизматичнее и интереснее никому не известного студента Арсения Гуляева. Верный друг Лысый называл его импозантным чуваком и по дружбе подсовывал все новых и новых дамочек «для дружбы и профилактики застоя в личной жизни». Дамочки, те, что пообразованнее, тоже называли Арсения харизматичным и импозантным, а те, что попроще, говорили, что он клевый и кульный. Они гладили Арсения по отросшим волосам, томно вздыхали и закатывали глаза в ожидании того, что вот сейчас таинственный Крысолов явит им свое настоящее лицо и свою силу.

А он не являл. Вот как-то не получалось у него с явлениями чудес. И с дамочками тоже не получалось, ни с теми, что поинтеллигентнее, ни с теми, что попроще. Они, конечно, про-

должали утверждать, что он импозантный, харизматичный и кульный, и даже были готовы регулярно устраивать профилактику его застоявшейся личной жизни, но своим обострившимся шестым чувством Арсений понимал – это всего лишь дань моде, шелуха и дырка от бублика. Не сразу, но со временем он научился приспосабливаться и, кажется, даже получать удовольствие от таких вот «профилактик», но окончательной уверенности в правильности происходящего у него не было, как не было и постоянной боевой подруги.

А эта... Марта не стала бы с ним ни из вежливости, ни из любопытства. Плевать ей на его сверхспособности. В мире есть только один человек, который может заставить ее сделать что-то помимо собственной воли, – Ната, родная бабка. И чтобы понять это, не нужна экстрасенсорика, достаточно простой человеческой наблюдательности. Марта... Снежная королева. Не его поля ягода...

– Пойдем прогуляемся. – Арсений потрепал Грима по загривку, направился обратно к лестнице. – Тут нет ничего интересного, – добавил с неожиданной для самого себя злостью.

Стоило только открыть дверь, как ветер швырнул в лицо пригоршню дождевых капель. Грим радостно фыркнул, в нетерпении натянул поводок. Выходить под дождь было страшно, но только лишь в первое мгновение. Потом, когда теплые струи потекли по волосам и лицу, скатились за шиворот и почти мгновенно насквозь вымочили одежду, стало радостно и как-то по-особенному азартно. Арсений любил грозу с детства, пожалуй, это острое, наэлектризованное чувство близкой опасности – единственное, что он прихватил в новую жизнь из старой. Словно в подтверждение, добела раскаленная стрела молнии ударила в нескольких метрах от них с Гримом. Пес испуганно взвыл, присел на задние лапы, а Арсений, запрокинув лицо к небу, рассмеялся. Смех тут же утонул в раскате грома, но отчаянно-радостное чувство, рожденное грозой, никуда не ушло, вслед за дождевой водой пропитало его с ног до головы.

Дом тонул в грозовом мареве. Ярko и жизнеутверждающе светились лишь окна гостиной да на втором этаже скорее угадывался, чем был виден свет от ночника. Они наблюдали за ним. Обе. Бабка и внучка. Первая не таясь, вторая прячась в полумраке своей комнаты.

Прежде чем отправиться в парк, Арсений подошел к джипу. Флейта лежала там, где Крысолов ее и оставил, – на заднем сиденье. Жалко брать ее в такой дождь, но по-другому, похоже, никак. Он, конечно, попробует сначала просто осмотреться, но что-то подсказывает ему, что если и бродит в округе призрак, то так просто он на огонек не заглянет, нужно официальное приглашение.

В парке хозяйничала буря: ветер гнал по дорожкам сорванные листья и невесть откуда взявшийся мусор, деревья гнулись едва не до земли, стонали и поскрипывали, дождь лил сплошной стеной, заполняя собой все, что только можно было заполнить. Красота!

Грим, спущенный с поводка, тут же слился с чернотой. Теперь Арсений его не видел и не слышал, но не переживал за друга. Грим не пропадет, он умный, куда умнее некоторых прямоходящих. Надо только подождать, когда пес вернется.

Грима не было долго, наверное, парк и в самом деле очень большой. Уже привычный к внезапному появлению своего пса, Арсений все равно испуганно вздрогнул, когда из темноты на него свалилась шестидесятикилограммовая туша. Здоровенные лапищи заскользили по куртке, оставляя на ней грязные следы, а мокрой щеки коснулся шершавый и горячий язык.

– Грим, фу! – Арсений не без усилий оттолкнул от себя пса, успокаивающе погладил по голове. – Вроде бы серьезная поисковая собака, а ведешь себя как щенок. Нашел что-нибудь интересное?

Грим мягко, но многозначительно сжал челюсти на его запястье, потянул за собой. Значит, нашел.

Наверное, до того места, к которому вел его пес, можно было добраться куда более удобной дорогой, но вошедший в охотничий азарт Грим не искал легких путей, пер напралом – по цветочным клумбам, сквозь мокрые кусты. Останавливать его сейчас, когда он взял след, было бесполезно, оставалось послушно бежать следом, оскальзываясь и чертыхаясь, из последних сил стараясь не упасть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.